

Тукарам

Песни преданности

(сборник стихов-абхангов)

Перевод с маратхи и английского: В.А.Заволокин

Редакция, предисловие и примечания: А.М. Рагоза

(с) «Дасван», 2007

(с) В.А. Заволокин, перевод

(с) А.М. Рагоза, редакция, предисловие, примечания

(с) Л.Г. Дмитриева, издатель

Содержание

Предисловие

Абханги

Примечание

Предисловие

Тукарам относится к кругу прославленных святых-поэтов Махараштры (штат Индии), хотя его имя обрело известность как по всей стране, так и, с некоторого времени, на Западе. Он родился в деревне Деху, недалеко от Пуны, около 1608 года. Поэт Тука принадлежал к касте *шудр*, а по роду занятий был *вани*, розничным торговцем зерном. С тринадцати лет он продолжил семейное дело отца, и некоторое время ему сопутствовал успех, но затем разразился голод, который принес нищету и закрытие дела; несколько его родственников умерло. Считается, что именно эти несчастья способствовали тому, что Тукарам обратился к духовным поискам. Примкнув к движению *варкари*, существующему в Махараштре и по сей день, он становится *бхактой* (преданным), посвятив свою деятельность божеству Витхале (иначе именуемому Витхобой и Пандурангом, то есть Кришне). Главный храм Витхобы располагается в Пандхарпуре, однако Тукарам продолжает жить в Деху, восстанавливая старинный семейный храм. Любимым местом его медитаций становится гора Бхандара.

Через некоторое время он становится известным наставником и проповедником, и толпы людей стекаются, чтобы послушать его речи и *бхаджаны* (религиозные песни, выражающие любовь и преданность Богу). Движение *бхакти* в качестве одной из основ своей практики провозглашает воспевание имен Бога, которое не требует традиционного для членов высших каст посвящения. Популярность Тукарама, который не принадлежал к высшим кастам, вызывает зависть и неудовольствие кастовых *брахманов*, которые, с одной стороны, считают духовную практику прерогативой их касты, а с другой, видят своего рода конкурента в лице Тукарама. Начинается период преследований: ему запрещают посещать храм, рукописи выбрасывают в воды реки (рукописные труды чудесным образом возвращаются впоследствии), изгоняют из деревни. Помимо этого, имеют место и неприятности другого рода – крайняя бедность и нападки жены, видевшей в духовной практике мужа угрозу домашнему хозяйству. Однако ряд чудесных явлений, сопровождавших многие эпизоды жизни Тукарама, обращение некоторых из противников в горячих приверженцев и возрастающая слава постепенно меняют положение Тукарама на более благоприятное. О нем узнает легендарный царь Шиваджи, согласно различным источникам, общавшийся с ним лично или заочно, через посланников. Сохранилось несколько стихов, в которых Тукарам благодарит Шиваджи за оказанные почести и дает советы по политическим вопросам.

Известность Тукарама в значительной степени распространяется благодаря его *абхангам* – рифмованным стихам, написанным в определенном размере, которые часто исполняются с

музыкальным сопровождением, то есть как песни. На сегодняшний день насчитывают около 4500 *абхангов* Тукарама, многие последователи знают их наизусть, однако, часть *абхангов*, как предполагают, написана несколько позднее времени жизни Тукарама его последователями. Заключительные слова многих *абхангов* – «*Тука мхане*» («говорит Тука») – просто прибавлялись, по традиции, к сочинениям последователей, поэтому в точности установить, сколько же стихов принадлежит непосредственно Тукараму, не представляется возможным. Кроме этого, известны также *абханги* брата Тукарама, завершающиеся, как правило, словами «говорит брат Туки». Написанные на устаревшем ныне варианте языка маратхи, *абханги* не всегда четко понимаются даже в родной среде.

Тукарам продолжает линию духовной преемственности святых Гьянешвары (Джнянадевы) и Намдева, однако в своих *абхангах* он не выстраивает четкой философской системы: иногда он обращается к дуализму (*двайте*), иногда к не-дуализму (*адвайте*), и т.д. В этом можно было бы увидеть некоторую непоследовательность, но было бы верным сказать, что те или иные *абханги* с их философской частью выражают те или иные аспекты духовного опыта. При этом в качестве инструмента для выражения этого опыта выбирается определенная философская концепция – иногда одна, иногда другая, неизменным остается лишь одно – необходимость культивирования *бхакти*. Помимо прочего, *абханги* Тукарама интересны еще и тем, что написаны человеком простого («низкого») происхождения, необразованным (как он сам часто говорит о себе), относящимся к *шудрам*, которым обычно запрещались традиционные формы духовных практик. В этом отношении путь *бхакти* несколько противопоставляется Тукарамом традиционным формам изучения священных писаний и традиционному пути овладения *йогой*, но прославляется как доступный всем и ведущий, в итоге, к тем же целям, что и *йога*.

В различных источниках говорится, что Тукарам прожил в Деху приблизительно до 1649 года. После этого, согласно одним, он отправился в паломничество, и больше о нем не слышали, согласно другим – отправился на небеса в своем физическом теле, на небесной колеснице. Также говорится, что спустя некоторое время с неба упали цимбалы Тукарама, которые он всегда носил в руках, и его накидка, вызвав большую радость среди последователей.

Деревня Деху является сейчас известным местом паломничества, также и храм Пандхарпура собирает большое число паломников, как и во времена Тукарама.

В 1774 году был написан известный труд – «*Бхактиламрита*» Махипати, посвященный жизни Тукарама. Материалы, послужившие источниками для этой книги, составленной через 125 лет после ухода Тукарама, остаются неизвестными. Вероятно, этот труд объединил как устную традицию жизнеописания Тукарама, так и письменные свидетельства (например, комментарии к рукописным сборникам *абхангов* Тукарама). В 1931 году эта книга была издана на английском языке. К тридцатым же годам двадцатого века относится и выход известного индийского фильма, посвященного Тукараму. Этот фильм снискал огромную популярность и теперь доступен с переводом на русский язык. Вообще, в двадцатом столетии *абханги* Тукарама переводились на многие языки. В советское время несколько *абхангов* были переведены на русский язык и включены в сборники восточной поэзии. В настоящее время издано также несколько стихов в академическом переводе с подробными комментариями.

Наше издание не приводит академического перевода и не ставит перед собой научные цели. Его задача – ознакомить русскоязычного читателя с теми стихами, которые были написаны с величайшим вдохновением, и являлись, в свою очередь, источником вдохновения для многих. Понимая трудность задачи – донести духовную глубину и поэтическую красоту в переводе – мы, тем не менее, решились на это, надеясь на заинтересованность со стороны современного читателя: стихи Тукарама носят универсальный характер, провозглашая путь бескорыстной духовной любви к Богу (*бхакти*) как доступный всем вне зависимости от религиозной и расовой принадлежности.

Издатели

(1)

Пусть Бог не выпускает меня из своих рук; с сердечной верой я пришел искать его защиты. О Господь, считай меня своим; я совершаю для Тебя церемонию плода нима с собственной душой. Оставаясь среди святых, я узнал Супруга Лакими; у меня не было ничего, что бы я мог назвать своим, поэтому мои мысли всегда были сосредоточены на Тебе. То и дело возникают различные помехи, призванные не дать нам поклоняться Тебе; с ними приходят всевозможные соблазны этого мира. Люди любят порочное и называют это сладостным, если взглянуть на них, станет видна их шутовская природа. Люди постоянно умирают, и бесчисленное множество их уже умерло; нам полезно вспоминать о них; поэтому я молю Тебя о милости: даруй мне терпение и стойкость. Пусть люди сколько угодно порицают меня – я не буду им отвечать. О Нараяна, Ты -- наш изначальный отец, Твои стопы – высшее сокровище. Если я не распознаю собственной выгоды, если я согласен зависеть от своих личных заслуг, то я ничемный грешник – святые будут смеяться надо мной, говорит Тука.

(2)

Крестьяне набрасывают покрывало на умерших и, не теряя времени, идут сеять – так и ты, пока тебе даровано тело из плоти, должен искать свое сокровище. Зерно, вытащенное рукой наружу, пускает ростки быстрее, чем зерно, что остается в мешке; так же и с благополучием человека. Мы не властны над временем; мудрый должен разрешить эту задачу. Тука говорит: в этом мире смерти мудрец советуется с самим собой.

(3)

Разве мудрецы древности не знали этого? Они удерживали мир на расстоянии. Те, кто сподобились обрести восемь йогических совершенств, были безразличны к мнению толпы. Чтобы поддержать жизненные соки своего тела, они питались кореньями и листьями; они пребывали в лесах; они сидели ровно, с глазами, сосредоточенными на межбровье; они хранили обет молчания. Тука говорит: о Бесконечный, сделай же так, чтобы и моя душа уподобилась им; удержи людей вдали от меня.

(4)

Тот, кто обладает нежно любящим сердцем, мил Богу. Я не желаю общаться ни с кем другим, будь он даже мудр или учен. Тому, кто сосредотачивает свои мысли на имени и образе Бога, я готов покорно служить. Тука говорит: такой человек знает девять видов преданного служения в их чистоте.

(5)

О Господь, в служении семье, в заботах по дому я сгораю в огне мирской жизни. Поэтому я забыл о твоих стопах; о Пандуранг, моя мать, приди же скорее ко мне; я отягощен бременем множества жизней, мне неведома тайна избавления. Со всех сторон я окружен ворами, никто не слышит моей мольбы о милости. Сколь велики мои страдания! Я крайне изнемог. Тука говорит: беги же скорее ко мне; о Господь беспомощных, в этом мире лишь Твое имя достойно славы!

(6)

Это не моя страна, это не мое одеяние, я оказался здесь случайно. Что я могу назвать «своим»? Где мне найти пристанище? Хотя я называю эти ноги и руки «своими», сколько лишений я претерпел из-за них! Лишенный друзей, я скитаюсь по чужой земле, слепой и хромой. Господь, обрати на меня свой взор и помоги мне; у меня нет ни

братьев, ни детей, я вверил себя святым. Идя по пути, что раскрыт предо мной, я содрогаюсь: ведь столько людей пошло по нему, и никто не вернулся! Я не могу понять, что происходит, хотя мои уши воспринимают звук. Я сижу на развилке, крепко удерживая Тебя в своих мыслях. Подобно сбившемуся с пути, я взываю о милости. Мой желудок никогда не бывает полон, стопы мои никогда не знают отдыха. Я измучен путешествием через восемь миллионов деревень. Я цепляюсь за это обитаемое место; на что я могу положиться? Кто вдруг подаст мне милостыню? О Господь, я часто слышал восхваления в Твою честь, пропетые в столь жалобной манере, что ныне я взываю: О Всеславный, стань моим другом! Я очень голоден, но Ты бесконечно щедр. Какие бы ни были у меня заслуги – я отказываюсь от них. Богатство, семья, сын, мать – я обрубил все эти пути. О Господь, я отрекся от желаний, ибо так мне было велено сделать. Тука говорит: теперь Ты мой всесильный защитник.

(7)

Я не могу вытерпеть разговоров о самообуздании; мой дух изнемог. Я не в силах выносить ничьего общества, я нахожу удовольствие в том, чтобы оставаться наедине с собой. Я устал от жизни, полной чувственных желаний. Тука говорит: западни желаний и иллюзии, которые удерживают нас вдали от Бога, увеличивают наши страдания.

(8)

О святые, не хвалите меня: ваши слова наполняют меня гордыней. Бремя гордыни не даст мне достичь Твоих стоп и не позволит пересечь житейское море. Тука говорит: мною овладеет высокомерие, и я окажусь отлученным от стоп Витхобы.

(9)

Мы не должны слушать ничего, что принесет нам печаль и разлучит с Твоими стопами. Когда я вижу, что люди столь близки к гибели, то содрогаюсь; я стыжусь их, но они не будут слушать. Что мне делать, о Господь? У меня нет силы, чтобы побить их и загнать на путь. Тука говорит: о Пандуранга, пожалуйста, не позволяй таким безумцам появляться у меня перед глазами.

(10)

О Господь, я калека с больными руками и ногами; меня посадили на норовистого коня, если я прищипрю его, он полетит, не замечая изгородей, пней и ям. У меня нет ни отца, ни матери, ни кого-то еще, кто мог бы послужить мне опорой. О милосердные люди, преподнесите мне дар – пусть я пойду к Пандуранге; о Друг беззащитных, доставь же меня туда! Я ковылял от двери к двери на своих костылях, пока совершенно не обессилел; я не нахожу ничего, что бы облегчило мои страдания или избавило меня от мук мирской жизни. Да явит мне Хари ту силу, которую превозносят святые; Тот, кто пребывает в Пандхарпуре, дарует калекам руки и ноги. Ради своего желудка я впал в зависимость от мира. Мои вопли «о мать, о отец!» не дали мне ничего; презрение окружающих сопровождает меня повсюду. Иные говорят: «Убирайся прочь!» – сердца их лишены жалости; собаки нападают на меня. Меня одолевает множество неистовых желаний. Я не знаю, какие совершил проступки за время, что прошло; я не знаю ничего о своих заслугах и преступлениях, мне не вспомнить ни одного из них. Я полностью лишился разума, подобно мотыльку, что кружится вокруг светильника. О святой и несравненно пронизательный, ниспошли мне дар жизни хоть в какой-то мере! Я проделал огромный путь, я испытал невыносимые муки, и все ради того, чтобы

увидеть тебя. Найти тебя трудно, но я встретился с тобой, я склонился к твоим стопам. Я, Тука, сложив ладони, простираюсь перед святыми.

(11)

Сам я лишен веры, я пою песню просто для того, чтобы прибавить красоты миру; однако, о Спаситель грешников, сделай же мои слова истиной! Я называю себя Твоим слугой, но в душе моей пребывают страсть и мирские чаяния. Тука говорит: я облачился в одеяния веры, но внутри меня нет и тени ее.

(12)

Я пропащий, порочный человек, на моем счету нет ни одного добродетельного деяния, и я несообразителен; о Океан милости, мой отец и моя мать, я никогда не обращался к Тебе ни с единым словом хвалы. Я никогда не пел и не слушал прославлений, обращенных к Тебе. Я отвернулся от своего же собственного блага. Когда святые собираются и рассказывают повествования о Тебе, сердце мое остается равнодушным. Я часто злословлю на других. Я никогда не совершал благих деяний, равно как не побуждал к ним других. Не ведая сострадания, я причинял мучения ближним. Я шел по пути беззакония; я взвалил на себя бремя семьи. Я пренебрегал паломничеством в святые места. Я посвятил руки и ноги служению собственному телу. Я не служил Твоим святым и не предлагал им дары; я не поклонялся Твоему образу и не смотрел на него. Я оказался в обществе нечестивых, деяния мои несправедливы и порочны; я презирал поиск своего собственного истинного блага; мне хотелось бы забыть мое поведение и не говорить о нем более. Я разрушил сам себя, я сделался врагом всем своим ближним. Но Ты --Океан милости; даруй же мне скорее избавление, – говорит Тука.

(13)

Все эти пышные украшения никак не связаны с моей подлинной сущностью, это только лживая обертка. Я лишь пылинка на Твоих стопах, сандалия на стопах святых. Я не могу познать Твой изначальный образ, я приношу Тебе, насколько способен созерцать Тебя, свою веру; я не могу увидеть, как тленный мир переходит в нетленный; мой ум не в силах отличить духовное от недуховного. Я полное ничтожество, – говорит Тука, – я паду к Твоим стопам, внемли этим словам!

(14)

Моя жизнь пролетела в поисках всевозможных наслаждений; я ни на миг не задумывался о поиске освобождения. Я без конца странствовал в разных краях; всю свою жизнь я провел в плену иллюзии. Кроме меня самого, никто не знает, в чем мое истинное благо, и не способен помочь мне. Даже святые не знают подлинного источника блаженства, его начала и конца. Что я могу рассказать о мучениях пребывания в материнской утробе, хотя я испытал их? Вокруг меня были лишь плоть и ее выделения; когда я пытался думать о Тебе, когда я приближался к порогу смерти, то не знал Тебя, хотя Ты был рядом. Тленное становится тленом; душа изнывает под грудой прошлого. Ныне молю Тебя: награди меня даром служения Тебе. О Кешава, Тука умоляет Тебя: яви ему путь через житейское море.

(15)

Кого бы я ни встречал на этом пути, я спрашиваю у него: «Будет ли Бог милостив ко мне? Удержит ли Он меня от позора?» Я позабыл обо всем остальном, я без остатка посвятил себя поиску ответа на этот вопрос. Тука говорит: я с нетерпением ожидаю, кто же еще встретится мне и даст свой ответ?

(16)

Почему Ты дожидаяешься священного или благоприятного дня? Моя душа изнывает от нетерпения. О Пандуранга, пошли мне скорее нежный сладкий кусочек, не заставляй меня ждать. Не смотри, что я несовершенно и полон греха, не гневайся на меня: зачем Ты заставляешь нас, Твоих несмышленных детей, а равно и Твоих старших и мудрых, плакать? Почему Ты стоишь, упершись рукой в бедро, и сокрушаешь сердца своих маленьких возлюбленных? Тука говорит: сейчас я развяжу узел своей накидки, и я останусь с Тобой.

(17)

Почему Ты не испытываешь ко мне жалости, ведь Ты пребываешь в моем сердце? О Нараяна, жестокий и безжалостный, я рыдал по Тебе, пока совершенно не потерял голос, но Ты так и не отозвался. Почему душа моя не находит покоя? Смятение чувств не знает перерыва. Тука говорит: почему Ты гневаешься? О Пандуранга, мы не знаем, рассеялись наши грехи или нет.

(18)

Когда я был свободен, я сам взял веревку и обвязал себе вокруг шеи: что мне теперь делать? Я крепко связан, я не могу двинуться ни вперед, ни назад. Я растратил все свое состояние, я впал в долги, поле мое заросло сорняками, я обрек жену и детей на голод. Я обворовал множество чужих домов; я не могу вырваться из западни, что бы я ни делал. Тука говорит: мы должны отбросить желания, отсечь их полностью.

(19)

О Господь, будь милостив ко мне и яви мне истину; как велико Твое сострадание! Таково же и Твое славное имя в этом мире. Одним лишь своим взглядом Ты делаешь бессильным само могучее Время. Тука говорит: о Господь, даруй мне свою защиту!

(20)

Насколько это необходимо, я живу в мире, но пусть моя вера пребывает у Твоих стоп. О милосердный владыка, что я могу поделаться? Твои узы крепки; я устало плетусь, изнывая под тяжестью груза, который на меня возложен. Тело выполняет предписанную ему работу; о мой ум, всегда сохраняй эту тайну. Силы этого мира тянут меня с места на место, но позволь мне никогда не терять усердия в созерцании. Пусть чувства делают свое дело; позволь же их страстным порывам найти успокоение у Твоих стоп. Тука говорит: умоляю Тебя, не ввергай меня в погибель!

(21)

Мне снилось, что меня насильно завербовали в разбойничью шайку, но когда я проснулся, это все оказалось обманом. Я взывал о милости впустую: эти мольбы и послужили причиной моих бедствий. Царь, вельможа и крестьянин – вся картинка была нереальной, но мои страдания, до тех пор, пока я не пробудился, были реальными, – об этом свидетельствует мое тело, поскольку именно боль заставила меня открыть глаза. Тука говорит: наконец, святые привели меня в чувство, иначе меня ждала бы тюрьма.

(22)

Я запутался в сетях иллюзорного мира, но Витхала оказал мне милость. Он освободил меня, отделил от бренного окружения и показал мне образ, на который я взираю с

нежной и ненасытной любовью. Я вижу, как другие прыгают, танцуют и выказывают страстное влечение к миру; они находят наслаждение в том, чтобы воспринимать ложное так, как если бы оно было истинным. Я вижу и других – они кричат, рыдают и разбивают себе головы от горя; сокрушаясь по своим друзьям, они приближают свою собственную смерть. Тука говорит: я удивляюсь собственным словам.

(23)

В своей жизни я встречал и удачи, и неудачи. Я знаю на опыте и то, и другое; как первые, так и вторые я находил и буду находить отвратительными. Я поселился в лесу, но и там страдания настигли меня. Тука говорит: возьму с собой Бога – пусть Он будет моим провожатым.

(24)

Хорошо, что я низкого происхождения, в противном случае меня сгубила бы гордыня; о Господь, Ты поступил правильно. Тука прыгает от радости и танцует. Если бы у меня было какое-то знание, я оказался бы в опасности: я пренебрег бы служением святым, я впал бы в неведение, меня раздуло бы от самомнения, я пошел бы по пути самоуничтожения. Тука говорит: где людям есть, чем кичиться, туда приходит и ад – расплата за гордыню.

(25)

Хорошо, что я освободился от этого дикого стада; каждый из него отправился в свой родной дом. Забота о них стоила мне мучительной боли; теперь мне стыдно за эти ненасытные желания. Когда они сбивались с пути, мне приходилось мучиться: я должен был тратить все заработанное мною на штрафы. Я не знал ни минуты покоя, мучения одолевали меня вплоть до сегодняшнего дня. Уловкам желаний не было числа, они рвали свои привязи; у меня нет ни времени, ни желания рассказывать обо всем этом. Тука передал попечение об этих коровах Богу.

(26)

Я не знаю ни одной хитрости, которая могла бы захватить внимание людей; я пою Тебе хвалу, я прославляю Твои чудесные деяния. Я не могу похвастаться знанием лекарственных растений или необыкновенной ловкостью рук. Меня не окружает толпа учеников; я не притязая на то, чтобы называться кем-либо, кроме простого нищего. У меня нет своего монастыря, я не владею поместьями. Я не руковожу официальным поклонением – я не открыл эту лавочку. Я не умилостивил веталу; мне не известны никакие тайны, что могут поразить людское воображение. Я не профессиональный чтец Пуран, чьи дела расходятся с его же словами. Я не владею искусством спора; я не жалкий ученый; я не стою между горящих огней с криком «удо! о ананди!». Я не читаю мантры на четках, собирая вокруг себя толпу зевак. Я не знаю тайн Атхарва Вед: чар, которые сковывают, вводят в заблуждение и изгоняют врагов. Я не таков, как все эти люди, – говорит Тука, – я не безумец, что пребывает в аду.

(27)

Кто-нибудь может сказать мне: «Ты поэт», но моя речь не принадлежит мне. То, что создается – не мое собственное творение – меня побуждает говорить Тот, кто пронизывает собой Вселенную. Я столь слаб, откуда же у меня возьмется сила обезоруживать? Я говорю то, что подсказывает мне Говинда. Меня назначили сидеть и отмеривать, но сам я ничто – всем распоряжается Владыка. Тука говорит: я верный слуга, я ношу на себе печать имени моего Владыки.

(28)

Я человек наихудшего разряда – чем мне гордиться? Это Ты, о Нараяна, есть тот, кого люди прославляют во мне. Какая мне от этого радость, и какая печаль? В соответствии с качествами человека к нему приходит либо слава, либо позор. Я подобен куску материи, который люди повязывают вокруг головы, чтобы почтить его, так как когда-то в нем хранились золотые монеты. Тука говорит: люди почитают меня, но я и То, что они почитают – не одно и то же; чему радоваться такому ничтожному созданию?

(29)

Разве петух заставляет солнце восходить в положенное время? О Господь, зачем Ты возлагаешь на мою голову такой груз: велишь мне стать святым? Когда слуги откажутся готовить пищу, разве господа будут голодать? Тука говорит: Бесконечный знает, как заставить все пройти в свой черед.

(30)

Нет на свете деревни, которую я мог бы назвать родной, я живу один, в своем собственном обиталище. В своих странствиях я не следую определенному маршруту, и все мои слова остаются без внимания. Я ничего не считаю своим или чужим; воистину, я не принадлежу никому; мне нельзя ни жить, ни умирать; я всегда остаюсь тем, что я есть. Тука говорит: у меня нет ни имени, ни образа; я остаюсь в стороне от добрых и дурных дел.

(31)

Я говорю, хотя я безмолвен, я мертв, тем не менее я жив, я пребываю в мире, и все же вне его. Я отрекся от всего, но у меня нет недостатка в удовольствиях; я одинок, и все-таки не одинок; я разорвал все пути. Тука говорит: я не тот, за кого меня можно принять; если хочешь узнать, кто я, спроси у Пандуранги.

(32)

Можно смотреть на мир, как на божественный, но я порицаю подобную склонность людей; меня переполняет сострадание, которое побуждает помочь им, ибо они падают в лапы смерти. У меня нет ни друга, ни какой-либо враждебности к посторонним. Эти мои слова служат вступлением, – говорит Тука, – призванным раскрыть суть дела.

(33)

Цель моих усилий – сохранить веру. Я распространяю благие наставления Вед; в своих поступках я руководствуюсь примером святых прошлого. Если ты не обрел непоколебимость духа, но оставил свои мирские обязанности, то ты негодяй. Тука говорит: такой человек – подлый мерзавец, поклонение Хари превращается у него в грех.

(34)

Я, Тука, меньше атома, и все же больше небесного пространства. Я отрекся от тела, ибо мир есть воплощенное заблуждение. Я оставил тройственное знание; внутри сосуда своего тела я зажег светильник. Тука говорит: мне пора перестать служить людям.

(35)

Я спросил у собственной души: почему мне нужно заботиться о людском мнении? Все люди знают, в чем состоит их выгода; если понуждать их силой, они обидятся. Слушают они мою проповедь или нет, я пойду домой, и буду крепко спать. Как я повлияю на них? Я могу указать путь, если сам видел его. Тука говорит: я буду указывать на милость Бога; тот, кто желает, сможет обрести ее плоды.

(36)

Будь некто даже грешником, если он произносит имя Бога, я готов служить ему телом, речью и умом. Даже если у человека нет веры, но он воспевает божественные достоинства Хари; даже если он совершает предосудительные поступки, но произносит имя Хари, я принадлежу ему. Какого бы он ни был происхождения, благородного или низкого, – говорит Тука, – если он называет себя человеком Хари, он благословен.

(37)

Наша радость – в том, чтобы указывать миру, что есть подлинно благое, чтобы заставлять тех, кто уклонился от истинного пути, устыдиться. Какой ущерб может понести человек, который распространяет свое послание? Какой вред мне может причинить гнев мира? Что могут сделать силы неведения, когда стрелы имени Кришины столь остры? Тука говорит: вот лавка, где продается только товар наивысшего качества; здесь не может быть места подделкам.

(38)

Я падаю ниц перед всеми и умоляю вас, склонив голову к вашим стопам: о все люди! О все, способные говорить и слушать! Проверьте это хорошенько и привяжите к пучку волос на своих затылках! Я раздал обширные припасы, собственность моего Владыки. Я всего лишь носильщик, который переносит их. Тука говорит: ценность этого товара известна во всех четырех областях Вселенной, он прошел испытания и признан наилучшим.

(39)

День и ночь я буду непрестанно петь хвалу Говинде. Все мои желания связаны с Богом; я посвятил свое тело Ему; я не останавливаюсь ни на мгновение, но наполняю все свои чувства Им. Тука говорит: я пою Ему хвалу; я пробуждаю людей.

(40)

Я упорно боролся со временем и смертью; я проложил брод через реку мира. Приходите, большие и малые, мужчины и женщины, люди низших сословий; запомните: никому не нужно терзаться страхом. Занятые и праздные, преданные и аскетичные, собирайтесь вместе; гремят барабаны, созывают освобожденных и тех, кто жаждет освобождения. Он отправил меня в этот мир, наделив широкими полномочиями; я ношу с собой Его имя – говорит Тука.

(41)

Я просто слепец, бредущий по пути, что ведет к безграничному духу; я оставил жизнь, полную многообразных страстей ради жизни, исполненной умиротворения в Нем; в Нем я больше не вижу мирского. «Я» и «мое» исчезают в той же точке, откуда появляются. Все, что было видимым, становится невидимым. Я дочиста вымел площадку этого мира и уснул сладким сном. На вершине трехглавой Кайласы раздают

щедрые дары; я отказался от изысканной пищи и богатства, от добрых и злых дел, и от желаний. Я ушел от суматохи мира, освободился от рабства трех гун; теперь я могу не беспокоиться, что мне и дальше придется нищенствовать. Мой семнадцатый элемент полностью изменился: как только он исполнил все мои желания, я обратил лицо вверх и произнес: «Я есмь Он». Посредством нежной любви, обращенной к Нему, я пробудил нематериальный источник; Он даровал мне Абсолютную Истину и знание Абсолютного «Я». Он растворил мое имя в собственной сущности, Он убрал все различия между нами. Эти слова рассеивают сомнения и несут великое утешение; Он сделал их доступными для людей, что приходят со всех сторон; в их веренице следуют и те, кто достиг духовных высот; они вышли за пределы мира. Вера в Него – вот единственный секрет; чувство «я» – источник рабства, оно не позволяет нам достичь нашего дома. Так сбросьте же оковы мира, примите недвойственную веру. Тука говорит: вот способ, который открыли в древние времена.

(42)

Владелец лавки может выставить множество разнообразного товара, но каждый покупатель выбирает то, что ему нужно. В конце концов, каждый покупает что-то определенное, хотя людям и нравится рассматривать все подряд, чтобы удовлетворить свое любопытство. Воин понимает движения врага, другие же смотрят на них как на зрелище, о котором можно потолковать. Тука говорит: моя речь следует своим собственным путям; я пожертвовал мирское знание Безупречному.

(43)

Всемогущий обитает во всех существах – вот первый закон, который я хорошо знаю. Я посылаю вперед острые стрелы; тот, кого поразила одна из них, знает их силу. Сначала нам нужно добиться, чтобы наши наставления были безупречны, а потом уж мы можем давать их другим. Тука говорит: если ты сбиваешься с пути и углубляешься в джунгли, то встретишь шипы и колючки.

(44)

Я не упрямый наставник, полный своих собственных мнений; я учу лишь истине, дарованной мне свыше. Вам нужно проверить мое учение на опыте; зрелое знание покажет -- истинно оно, или ложно. То, что я излагаю, не принадлежит какому-то маленькому местечку; если кто-нибудь получит это, то найдет, что оно наполняет собой всю Вселенную. Тука умоляет мудрых не мучить себя противоречащими друг другу мнениями.

(45)

Я указываю людям путь согласно полномочиям, которые получил. Каждому показана та дорога, что соответствует его способностям; по мере того, как он будет следовать по ней, он будет узнавать ее все больше и больше. Когда вы достигли берега, вам не надо сжигать лодку: потом она может пригодиться многим. Тука говорит: если врач сам болен, кого он сможет вылечить?

(46)

Мы, обитатели Вайкунтхи, пришли сюда лишь для того, чтобы нашей верой подтвердить слова риши. Мы будем усердно расчищать пути для святых, ибо мир заполнили сорняки. Мы будем вкушать остатки трапез святых. Древние формы духовной традиции утратили свое значение, поскольку все там утонуло в пустом словесном жонглерстве. Умы людей жаждут наслаждений, путь к освобождению

потерян; мы будем бить в барабан во имя преданности. Мы будем наводить ужас на время и смерть. Тука говорит: радостно восклицай «Слава! Победа!».

(47)

О Господь Вселенной, яви мне свою милость, даруй мне ученика, который продолжит мое дело; привлеку ко мне того, кто полностью сведущ в знании Брахмана, чей стяг славен во всех трех мирах. Тука громко взывает у дверей своего Витхобы.

(48)

О Господь, дай мне ученика, сведущего в знании Брахмана, прекрасное воплощение веры и любящей преданности. Пусть он в совершенстве освоит искусные методы, что позволят ему одержать победу над страстями. Если я встречу такого человека во плоти, то буду обмахивать его листьями дерева ним, чтобы уберечь его от вреда!

(49)

Я человек низшего сословия, скудоумный, жалкий на вид; прочие мои изъяны Он также знает; тем не менее, Витхала принял меня, ибо ведает, в чем состоит моя цель. Что бы я ни делал, я стремлюсь к своему истинному благу – так научил меня опыт. Моему духу были дарованы бесконечные блаженство и радость; Тот, кто сам есть наивысшая радость, принял мое бремя на себя. Тука говорит: Он гордится своим именем, а потому употребляет свое могущество на то, чтобы спасти молящих Его об этом.

(50)

Почему я должен добиваться славы, высокого положения и людских почестей? О Господь, яви мне свои стопы! Да не падет твой слуга жертвой тщеславия! Почет станет для моей души тяжким бременем, он уведет меня от Твоих стоп. Что люди знают о вере сердца? Они почитают друг друга в соответствии с внешними качествами. Тука говорит: я нахожу несчастья сладостными, если они ведут меня к Твоим стопам.

(51)

О Мать, я был истерзан желаниями, они угнетали меня без жалости; я принял прибежище в Тебе, и все стало хорошо. Я отправился к Тебе; теперь я снова молю Тебя. Тука говорит: о Канхоба, благодаря твоему воздействию, я освободился от гнета.

(52)

Если я разлучаюсь с Тобой хоть на мгновение, то рыдаю по Тебе. Я люблю находиться рядом с Тобой; мы подружались не сейчас, мы едины по естеству. Могущественные и высокопоставленные призывают меня покинуть Тебя – я не послушаю ни единого их слова. Тука говорит: Твоя милосердная любовь неизменна, обними же меня от всего сердца!

(53)

Благой вожатый и наставник явил мне свою милость, хотя я даже никак не служил ему. Он встретился со мной, когда я был на пути к Индраяни; точно помню, что он возложил свою руку на мою голову. Он попросил у меня немного масла; я заснул и забыл о нем – что-то воспрепятствовало нашему общению, поэтому он потерял терпение и ушел. Рагхава Чайтанья, Кешава Чайтанья – он назвал имена своих учителей; он сказал, что самого его зовут Бабаджи, и дал мне в качестве мантры имена «Рама,

Кришна, Хари». Было это в четверг, в десятый день месяца магха; решив, что это будет благоприятно, он посвятил меня в свою общину, говорит Тука.

(54)

Я сбросил с себя бремя, я избавился от гнетущих забот; святые вверили меня Витхобе. Он протянул руку и погладил меня по голове, Он велел мне оставить заботы. Он держит руку на бедре, его расположенные параллельно на каменном возвышении стопы прекрасны; Он стоит в полный рост на берегу реки Бхимы. Невообразимо долго я совершал свой тяжкий труд, но вот этому настал конец; о Кешава, я обнял Твои стопы! Тука говорит: о Бесконечный, пусть исполнится Твоя воля! Теперь любой мой позор разделяют святые.

(55)

Я не теряю бдительности ни на мгновение, и наблюдаю за собой. Я нанес на себя метку, чтобы не отбиться от Твоих стоп. Я обдумываю каждое свое слово, я держу себя в чистоте. Тука говорит: когда-то я боялся, теперь же я бдителен.

(56)

Это игра Богини во мне; почему ты не признаешь этого? Кто здесь действует, если я не обращаю внимания ни на страдания, ни на радость? Меня самого здесь больше нет: слова – вот все, что ты можешь узнать. Я превратился в Нее; поистине, мою веру невозможно утаить. Задай мне теперь свои вопросы, о том, что тебе дорого или же безразлично. Благодаря тому, что Богиня прочно утвердилась в моем сердце, я буду знать, что ты имеешь в виду и о чем спрашиваешь. Тука говорит: ты не должен оставаться спокойным, когда тебе представляется такой невероятный случай -- где еще ты найдешь подобную возможность?

(57)

Только Витхоба проявляет милосердие к незрячим и хромым; Он сотворил мир и ведает все. Без малейших усилий Он создает и уничтожает наш запас добродетелей и пороков; кто, как не Ты способен спасти нас от мучений и забот этого мира? О милосердный Господь, пусть торжествует Твоя власть! Тебе не составляет труда узнать, что у нас на сердце, хотя мы и не говорим. Пундалика катался перед Тобой по покрытому галькой берегу; благословен город Пандхари, что раскинулся на берегах Ниры и Бхимы; я больше ничего не вижу, мои глаза стали видеть незримое; Источник любви низошел сюда и пролил ливень непреходящего знания. Более того, Упаманья, маленький ребенок, который не мог ни знать путей мира, ни следовать ими, пал наземь и, громко крича, призывал имя Хари; поэтому Хари тотчас же пришел к нему на помощь. Юный Шука, который родился слепым, лежал, истерзанный муками множества рождений-смертей; в должное время он вспомнил о Тебе. «Я более не боюсь мучений прошлого», – сказал он Гопалу. Вслед за этим Он пришел и, посредством своей чудесной силы, избавил его от плачевной участи. Бог являет себя слепому, который не видит мир; тот освобождается от страданий и печали, избавляется от жажды богатства. Он не видит разницы между «собой» и «другими», он не признает ни братьев, ни друзей. Тука достиг того же самого состояния; поэтому радуйся, о Нараяна!

(58)

Я убог разумом, мне неведома истина, но я созерцаю в своем сердце Твои стопы-лотосы. Что я знаю о разноречивых мнениях Писаний? Я провожу все свое время в

созерцании. Я ничего не знаю, но я называю себя Его слугой; Он будет гордиться мною. Я отбросил удобства и проторенные дороги мира; я откинул мир одним ударом. Раньше мир цеплялся за меня, но теперь я избавился от него; мой дух отделился от суеты окружающего. Тука говорит: о Супруг Ракхумаи, защити своего почитателя, который взывает к Тебе!

(59)

Мы должны говорить Тебе, чего мы хотим, мы должны открывать Тебе тайные желания наших сердец. О Витхала, кроткий духом, любящий и милосердный, наша нежная мать, Ты будешь снисходителен к нашим капризам. Мы возлагаем к Твоим стопам нашу преданную веру. Ты все для нас. Я не позволю, чтобы меня касалось дыхание какого-либо другого существа; я не буду посещать никакого дома, кроме Твоего; пусть все происходит по Твоей воле; я знаю, Ты дашь мне то, о чем я попрошу; поэтому отныне Тука прекращает обращаться к Тебе с мольбами.

(60)

Поступай теперь, как считаешь нужным; в соответствии со своей волей спаси меня или уничтожь; приблизь меня к себе или отдали от себя; низринь меня обратно в мир или избавь от этого. Полностью невежественный, я искал Тебя; я ничего не знаю о вере и преданности. Я вовсе не понимаю духовных предметов, я самый убогий из всех убогих. Мне не под силу успокоить свой ум, я не могу обуздать свои капризные чувства, в борьбе с ними я совершенно обессилел; умиротворение и покой далеки от меня. Я подношу Тебе безграничную веру, я возлагаю к Твоим стопам свою жизнь; поступай теперь, как пожелаешь, я могу полагаться лишь на Тебя; о Господь, Ты – моя опора, я крепко уцепился за края Твоей одежды. Тука говорит: Тебе решать, как отвечать на мои усилия.

(61)

Теперь я достигну совершенного счастья. Я миновал все чужие земли, я не вижу ничего, кроме материнского дома. Рядом со мной Витхала и Ракхумаи, мои сестра и брат, отец и мать; Он глава всей моей семьи. Вокруг меня нет никого, кто был бы мне чужим. Я распространяю свое влияние на весь мир. Я сбросил с себя бремя зависимости от других, теперь я распоряжаюсь всем сам; я откинул стыд и тягостные заботы. Я позволяю своим желаниям оставаться дома, в моем материнском доме, где я волен поступать как пожелаю. Я действую так, как велит мне Он, я не боюсь совершить ошибки. Мне долго приходилось терпеть общество тещи, меня терзали множество желаний – теперь же я позабыл о мирских выгодах. Мои отец и мать ласкают меня с нежной любовью, они мягко расспрашивают меня и просят открыть им мои детские желания. Впредь Тука, вопреки своему природному косноязычию, будет говорить без запинки.

(62)

Пища, которую дает нам Он, бесконечно сладостна, поэтому я предпочитаю поиск Кришины самой жизни. Радость от общения с Ним возрастает от мгновения к мгновению. Впредь, – говорит Тука, – я буду учить людей любить Его так же, как я.

(63)

Маленькие пастушки собираются и начинают составлять план: «Пошли сегодня воровать масло; и Луноликого с собой возьмем. Ребята, есть тут один, которого нам все это время ждать приходится». Говинда идет впереди, пастушки следуют за Ним;

Он действует своим обычном образом: скрытый от всех, Он направляется то туда, то сюда. Вот Он видит дом, в котором никого нет. В нем хранятся девять видов масла. Сначала Он заходит туда сам, затем раздает им кувшины с маслом. Он не позволяет им разговаривать, Он говорит: «Тихо! Когда Я дам знак, пейте молоко». Полностью довольный, Тука служит Богу.

(64)

Его спутники начинают громко возмущаться: «Канхоба, Ты никогда не позволяешь нам получить самое ценное, что у Тебя есть. Мы больше не играем; мы поняли, каков Ты на самом деле. Мы больше не можем нести эту тяжесть: Ты слишком долго ехал у нас на плечах и ни разу не слез». Туке становится ненавистна жизнь в преданности, но Бог не даст ему уйти.

(65)

О речь моя, отныне поминай Бога! О вредоносное создание, что находит удовольствие в пустой вздорной болтовне! Ты перестала повторять «Витхала! Витхала!», но теперь, – говорит Тука, – будь уверена: я заставлю тебя служить Господу.

(66)

По происхождению я шудра, я стал торговцем; с незапамятных времен в нашем роду как семейное божество почитали Витхобу. Я не должен был бы это рассказывать, но поскольку вы, о святые, задали вопрос, из уважения к вам мне приходится сказать несколько слов о себе. После того, как мои родители завершили свой земной путь, я сполна испытал на себе мучения этого мира. Из-за голода я лишился своих сбережений, а также потерял доброе имя; моя первая жена умерла, моля о пище. Мне стало невероятно стыдно, это горе причиняло мне тяжкие мучения; я понял, что близок к полному краху. Наш семейный храм лежал в развалинах; тогда я решил поступить в соответствии с тем, что уготовила мне судьба. Я начал проповедовать и петь в дни экадаши, но первое время мой ум был отвлечен и блуждал. Поэтому я, призвав на помощь всю свою находчивость, выучил наизусть некоторые стихи святых, с полной верой в последних. Когда другие запевали, я подхватывал припев, очищая свой ум верой. Я почитал воду, которой были омыты стопы святых, за священную; я не позволял проникнуть в свой ум ни одной постыдной мысли. Как только выпадал случай, я служил другим, изнуряя собственное тело. Я не обращал внимания на друзей, которые любили меня, мне опротивел мир. Я заставлял свой ум удостоверяться, что истинно, что ложно, я ни во что не ставил мнение толпы. Я строго следовал наставлению моего учителя, которое он дал мне во сне, я твердо верил в имя Бога. После этого ко мне пришло поэтическое вдохновение; в сердце своем я обнял стопы Витхобы. Вскоре на меня обрушился тяжелый удар: мне запретили писать; поэтому на какое-то время мой дух погрузился в скорбь. Мои рукописи выбросили в реку, я сносил оскорбления, подобно кредитор; Нараяна утешил меня. Если я стану рассказывать всю свою историю, повествование получится слишком долгим и растянется допоздна, поэтому достаточно того, что я рассказал сейчас. Теперь вы видите, к чему я стремлюсь сейчас, а каким путем я пойду в будущем, ведает Бог. Бог никогда не пренебрегает своим слугой, я убедился, что Он милостив. Тука говорит: вот все мое достояние -- я пою стихи, которые подсказывает мне Пандуранга.

(67)

Если некто со слезами на глазах выпрашивает титулы, разве они украсят его? Если Бог дает что-то сам, это прекрасно; это никогда не теряет своей сладости и очарования.

Засей свое поле, и ты получишь достаточно зерна и для продажи, и для милостыни нищим, и для следующей посевной, и для раздачи во время религиозных обрядов. Тука говорит: как может образоваться алмаз без длительного испытания на прочность?

(68)

Намадева явился мне во сне вместе с Пандурангой и вдохновил меня: «Вот твоя задача: пиши стихи, и не говори о суетных делах». Намадева считал собственные стихи, Витхала вел запись; Намадева сказал мне, что всего он насчитал сотню кроров: «О Тука, ты должен завершить то, что не успел закончить я».

(69)

«Какое мне дело до того, что он отрекся от мира, оставил услаждение собственных чувств? Из-за него все удовольствия обходят наш дом стороной, но весь позор приходится сносить мне. За кого я выйду замуж, чтобы не умереть в нищете? Сколько еще горя, связанного с семьей, должна я претерпеть? Чем я буду кормить детей? Они так голодны, что готовы съесть и меня; было бы лучше, если б они умерли! Он вычистил дом так, что в нем ничего не осталось; нет даже коровы, которая давала бы навоз, чтобы смазывать полы». Тука говорит: жалкая и неразумная негодница; она водружает на собственную голову непосильный груз, а потом жалуется, какой он тяжелый!

(70)

«Мне прислали мешок крупы; он не позволит приготовить из него хлеб для детей. Он наполняет крупой корзины других людей. Он ненасытный вор!» Она приходит в совершенное бешенство и цепляется в руку как волчица. Тука говорит: какие накопления заслуг могут быть у проститутки?

(71)

«Сынок, что ты будешь сегодня есть? Мой муж сделался бхактой и все свое время проводит в храме. Он носит на голове гирлянды и совсем забросил свою лавку. Он заботится лишь о том, чтобы кормить себя. До нас ему дела нет. Он расхаживает туда и сюда с цимбалами и открытым ртом, он поет перед Богом в храме. Что нам теперь делать? Он убежал в джунгли». Тука говорит: ты никогда не отличалась терпением, но хоть сейчас прояви его немного.

(72)

«Чудесно, он сгинул; наконец-то мы получили то, что желали! Теперь у меня будет вдоволь еды: хлеба, супа и всего прочего. Несчастливая я: как мне хватало сил беспрестанно ссориться с ним?» Тука говорит: после того, как я показал, что презираю ее слова, она прониклась ко мне симпатией.

(73)

– *Зачем люди приходят к нам в дом? Им что, больше нечем заняться?*
– *В Боге весь мир сделался частью меня самого; что тебе стоит ответить любезно? Люди приходят навестить меня из любви.*
Тука говорит: эта подлая женщина не ценит драгоценный камень; она набрасывается на людей как бешеная собака.

(74)

Моя жена умерла; она освободилась; Бог освободил ее из мира иллюзии. О Витхоба, мы с Тобой будем наслаждаться вместе; нам больше никто не нужен. Хорошо, что мой мальчик умер, Бог избавил его от мира. Моя мать умерла, наблюдая за мной. Тука говорит: я избавился от забот.

(75)

О Господь, хорошо, что я разорился, потерпел полный крах из-за голода: так я раскаялся и обратился к Тебе – с такой силой, что мир опротивел мне. Хорошо, что моя жена была сварливой, что я терпел поношение и лишился доброго имени, богатства и коров; хорошо, что я не страшился людского мнения, но искал Твоей защиты, о Господь; хорошо, что я построил Твой храм и пренебрег женой и детьми. Тука говорит: хорошо, что я постился в дни экадаши, ибо так я поддерживал духовное бодрствование.

(76)

Почему, почему, о Боже, я вынужден сносить этот позор? Мне не следовало забывать главный секрет: то, что Он и я суть одно. Что случилось, то уже не исправишь; чего теперь сожалеть? Тука говорит: мне опостылело общество порочных.

(77)

Я никогда, никогда, никогда не оставлю стоп Витхобы! Пусть меня предадут безжалостной смерти, пусть вооруженные люди изрубят меня на сотню кусков – я ничего не боюсь. Тука говорит: прежде чем начать действовать, я решил быть твердым и бдительным.

(78)

Что я буду есть? Куда мне идти? Под чьим покровительством я буду жить в этой деревне? Патиль и все люди злы на меня – кто мне подаст милостыню? «Он полностью лишился рассудка», – говорят они; они отнесли меня к разряду безумных. «Добрые» люди внушили ему это, и погубили меня – теперь я совершенно беспомощен! Тука говорит: его общество дурно; пойду же немедля искать Витхалу!

(79)

Мое тело сгорает подобно лесу, объятому пожаром. Беги же скорее, о Кешава! Каждый волосок на нем пылает; я не в силах унять пламя, я сгораю как Холика. Сердце мое вот-вот разорвется – как Ты можешь спокойно смотреть на это? Возьми воды и беги скорее; больше никто не сможет мне помочь. Тука говорит: Ты моя мать, кто же еще поможет мне в мой последний час?

(80)

О Нараяна, убереги меня от общества женицин, пусть даже это будут всего лишь глиняные или деревянные куклы. Эта женицина оторвала меня от памятования о Боге и поклонения Ему; мой ум в смятении, и я не в силах удержаться от разговоров с ней. При виде ее лица, через мои чувства в меня проникает смерть. Красота – подлинное основание скорби. Тука говорит: если огонь становится святым, он способен сжечь того, кто прикасается к нему.

(81)

Я смотрю на других женицин как на Ракхумаи – так я решил с самого начала. О мать, иди прочь, оставь свои попытки; мы, слуги Вишну, не таковы, как ты думаешь. Мне

ненавистно твое греховное влечение, прекрати эти постыдные речи. Тука говорит: если тебе нужен любовник, что, разве мало вокруг других мужчин?

(82)

Почему я должен считать, что рассказы о Хари несут избавление всем людям? Смотри! Все рушится! О Витхала, на нас налетело войско захватчиков. Грех никогда не возникает без посредства другого греха; то, что происходит у нас, ясно доказывает это. Тука говорит: как можем мы теперь сказать, что там, где обитают Твои слуги, пребываешь и Ты?

(83)

Я не боюсь быть убитым сам; мне невыносимо видеть, как страдают другие. Наше святое сообщество гибнет; о Милосердный, как же могло случиться, что Ты этого не видишь? От нашего поклонения ничего не осталось; поистине, это смерть; мы не можем прожить без поклонения ни мгновения. Тука говорит: о Милосердный, я молю Тебя о месте, где меня не сможет коснуться ни малейшая тень насилия.

(84)

О святые, внимайте моим словам! Никто и близко не сравнится со мной в грехе – почему же вы так нежно любите меня? Сердце мое неоспоримо свидетельствует, что я не спасен; люди относятся ко мне с почтением, потому что я следую путем, который проложили другие. Мирская работа давалась мне с огромным трудом, я стал погонщиком скота, сучильщиком ячьих хвостов. Даже так я не смог обеспечить себя самым необходимым, поэтому я вернулся к своему прежнему образу жизни. Те немногие деньги, что у меня были, вскоре кончились; я не отказался от них – я раздал их брахманам и нищим. Я разрубил узы, что связывали меня с женой, сыновьями и дочерьми, и стал, конечно, подлым, тупым негодяем. Я не осмеливался показывать свое лицо миру; я прятался по пещерам или удалялся в лес; так я стал вести жизнь отшельника. Меня мучили позывы желудка, и я стал думать, что Бог лишен милости. Если кто-нибудь предлагал мне угощение, я с готовностью отвечал «да, конечно». Этому Божеству издавна служили мои предки, вот почему я поклоняюсь Ему. Тука говорит: пусть же кто-нибудь из вас придет, предложит Ему веру, а взамен возьмет Его.

(85)

Как прекрасен Его облик, когда Он стоит на каменном возвышении, уперев руку в бедро. На Его шее ожерелье из туласи, на Нем шелковое одеяние; глядя на этот образ, я испытываю непрерывное блаженство. В ушах Его сверкают серьги в виде рыб, на шее у Него сияет драгоценный камень каустубха. Тука говорит: вот где источник всего моего счастья; я буду с радостью созерцать Его святой лик.

(86)

Милый супруг Ракхумаи, пусть мои глаза будут всегда сосредоточены на твоём святом образе; облик твой сладостен, имя твоё сладостно, я всегда буду отдавать Тебе свою любовь. О мать Виттхо, одари меня несравненным даром: поселись в моем сердце и наполни его собой. Тука говорит: мне больше ничего не нужно -- я нахожу совершенную радость, созерцая твои стопы.

(87)

Я буду лицезреть Его, восседающего на Гаруде, облаченного в шелковые одежды, темного, очаровательного, обликом своим напоминающего грозовую тучу, который носит на шее прекрасное ожерелье из туласи. Его корона сияет подобно миллионам солнц, на шее у него сверкает чистейший драгоценный камень каустубха. Его святой лик преисполнен счастья; слева от Него стоит его Супруга, Ракхума-деви, с противоположной стороны от Него стоят Уддхава и Акрура; Санака и прочие /мудрецы/ поют Ему хвалу. Тука говорит: нет никого, подобного Ему, моему другу Пандуранге.

(88)

С ожерельем из туласи на шее, Господь Вселенной стоит на каменном возвышении; пристально глядя на Пундалику, Господь Пандхари стоит на берегу Бхимы. Мирское наслаждение и освобождение – его прислужницы, процветание и йогическое совершенство обивают у Него пороги. Вокруг Него движется священный боевой диск, смерть трепещет и бежит от него. Слева от Него стоит Мать Вселенной. Она рядом с Ним, его Супруга, прекрасная Бхимаки. Один лишь взгляд на Него разрушает величайший грех с быстротою молнии, сверкающей среди туч. Он -- океан радости, высочайшее блаженство, отрада пастухов и пастушек. Исполненный счастья, Говинда играет на флейте, зачаровывая птиц и зверей. Прекрасный ликом, четырехрукий Бог, что восседает на Гаруде, приводит ум в состояние неопишемого восторга. Тука говорит: мой Господь быстро приходит в ответ на преданность.

(89)

Да буду я созерцать Того, кто подарил мне жизнь, Нараяну, жизнь мира; я буду воспевать Его божественные качества. Того, кто стоит на берегу Бхимы, уперев руку в бедро, чьи параллельно расположенные стопы радуют глаз, – Его я заключил в свое сердце. Тот, кто сокрушает демонов, оберегает своих почитателей и непревзойденно искусен в своих божественных развлечениях, – к Его стопам я склоняю голову. Тот, кто носит гирлянду из полевых цветов, резвится с пастушками, кто низвергнул в преисподнюю Бали, – Тот мой Господь, которому принадлежит этот образ. Кто объединяет в себе все силы, кто носит на шее ожерелье из туласи, – пред Тем я непрестанно падаю ниц. Тот, чье имя разрушает все грехи, чья служанка – Лакшми, – Тому принадлежит несравненная слава, Тому с полной преданностью поклоняется Тука.

(90)

Витхала – наша жизнь, источник всех Вед и шастр; Витхала – высшее совершенство, покой сосредоточенного созерцания. Витхала – наше родовое божество, сокровище, наша семья и смысл нашего бытия, наша заслуга, наша высшая цель; мы любим престол Витхалы. Витхала повсеместно почитается нашим народом. Он наполняет собой семь адских областей; Он пронизывает собой три мира и души мудрецов. Витхала – возлюбленный наших сердец, наш милосердный и нежный владыка, средоточие нашей любви; это Он приводит мир в движение. Витхала – наш отец, наша мать, наш дядя, брат, наша сестра; вне связи с Ним мы не питаем любви к нашей семье. Тука говорит: теперь у нас нет ничего, кроме Него.

(91)

Трон, на котором Он сидит, усеян драгоценными камнями; по обе стороны его – опахала из павлиньих перьев; подле Него стоят Рукмини и Радха. Все йогические силы окружают Его в качестве служанок. Тука снимает свои сандалии и встает рядом, чтобы как придворный певец петь Ему хвалу.

(92)

О Витхала, стоящий на берегу Бхимы, Ты утруждаешь себя ради своих почитателей: многообразно заботишься о них, снова и снова нисходишь для их блага. Ты милосерден к нам, но страшен для демонов. Ты возлежал посреди Молочного океана, когда землю заполнили демоны, поэтому Ты появился на свет в доме пастухов; Пундалика установил Тебя в Пандхари. Тука говорит: тебя можно обрести верой.

(93)

Угощение готово, Ракхумаи ждет Тебя, в кувшине нагрелась вода, Она растолкла своими стопами порошок для Твоего омовения. О Пандуранга, из-за Тебя пир не может начаться; гопи принесли кувшин и ждут, чтобы наполнить его водой, дабы Ты мог омыть лицо и руки. Все девы собрались, готовые служить Тебе; пригласить Тебя пришли Уддхава и Акрура. Расстелено ложе из благоуханных цветов; на блюдах расставлены украшенные драгоценными камнями лампы, рядом пучки травы куша и листья бетеля, приготовленные для Твоего наслаждения. О Господь Пандхари, Тука умоляет Тебя: посмотри же сюда; Тука говорит: пусть каждый из вас будет бдителен.

(94)

О Пандуранга! Мы считаем прославление кого-либо, кроме Тебя, равным убийству брахмана. Мы, слуги Вишну, обращаем всю нашу веру на Тебя одного; мы не призываем никакого бога, помимо Тебя. Пусть мой язык разорвется на мелкие кусочки, если я отступлюсь от этих слов. Тука говорит: если я привлекусь кем-либо другим, то буду повинен во всех грехах.

(95)

Я буду петь «Кешава, Мукунда, Мурари, Рама, Кришна» – могущественные имена, которые уничтожают всякий грех. О жизнь, и в то же время смерть мира, о Ты, кто одновременно Карлик и Вселенная многообразной славы; о вместилище и доброго, и злого, сокрушитель Мадху; Ты, разрывающий узлы брэнного бытия, носящий боевой диск и палицу, могучий герой, что сметает демонов! О воитель, носящий корону, усыпанную драгоценными камнями, о щедрый владыка, который отдает людям мир, о первообраз Мадана, зачаровывающий дух, о отрада пастухов и пастушек! О Канха, несравненный мастер актерской игры, всесовершенный, обладатель всех благих качеств, лишенный каких бы то ни было качеств, Тот, кто видит и знает все; Ты, кто создал солнце и другие светила, но не позволяешь гордыне даже приблизиться к Тебе, – как могу я служить такому Богу? Какую мелочь я могу предложить Ему? Его невозможно постичь без веры. Тука не позволяет своей душе оставить Его стопы.

(96)

О Васудева, Господь обездоленных, лотосоокий, преславная вечность! О дарующий счастье своим почитателям, во всех мирах нет места, где не было бы Тебя! О Бесконечный, Владыка Вселенной, о высочайший образ, о нисшедший в образе Ваманы! Творец Брахмы, Господь Вайкунтхи, непостижимый для Вед и шастр! О всепроникающий, чьи руки повсюду, о неизмеримый! Око мира, Бог Вселенной, древний отец Брахмы! О Пандуранга, слуга своих почитателей, уничтожающий их страхи, о лучший из существующих! О бесконечный, Ты наполняешь собой ум каждого, Ты пребываешь вне и общества, и уединения! О Владыка чувств, Твоим простым

почитателям неведом Твой высочайший образ; прими же свой проявленный образ, дабы они могли почитать Тебя, говорит Тука.

(97)

О пребывающий в Молочном океане, возлежащий на Змее! О принимающий образ ради своей божественной игры и несущий радость гопи! О Ты, чей проявленный образ – лишь украшение для Твоих почитателей, океан благих качеств, чей истинный образ неведом! О Тот, кто принимает неисчислимое множество обликов, чей подлинный образ безграничен! О прибежище сострадания! О Господь, дающий защиту божествам и рассеивающий страх мирского бытия у своих почитателей! О Тот, кто всепроникающ, и в то же время пребывает за пределами всего, О Господь Вайкунтхи, спаситель Гаджендры! О дарующий счастье своим простосердечным почитателям, во всех мирах нет места, где не было бы Тебя. О Тот, кто приводит в движение наши умы, о океан знания, собственноручно защищающий своих почитателей, о сокрушитель демонов! О Нараяна, гордый своими слугами, о Пандуранга, жизнь мира! Отец Брахмы и остальных богов, причина всех действий, сам не совершающий ничего, пронизывающий собой каждый атом и каждую мельчайшую частицу всего сущего, спаситель грешников! Таковы слова Туки.

(98)

Если я прославляю кого-либо, кроме Тебя, пусть отомрет мой язык! Если меня привлекает кто-либо, кроме Тебя, пусть разобьется моя голова! Если я нахожу радость в чем-либо, кроме Тебя, это непременно тотчас же становится греховным. Если уши не пьют нектар славы Бога, какая в них надобность? Тука говорит: если я забуду Тебя хотя бы на одно мгновенье, в чем станет цель моей жизни?

(99)

Приходите в Пандхари! Вам нет нужды тяжело трудиться, чтобы достичь освобождения. Боги, полные неподдельной радости и восхищения, приходят поприветствовать Его стопы. Пыль, поднятая вследствие их танца, сопровождает нас на нашем пути. Тука говорит: вот медные навершия на столбах, чтобы указывать нам дорогу; вот множество безупречных вайшнавов.

(100)

Когда ты увидишь Пандхари, то не захочешь более петь славу Вайкунтхи. В Пандхари освобождение бродит по-нищенски от двери к двери, видом своим напоминая служанку. Там есть терраса, на которой растут деревья туласи, чисто вымытый двор, радостные цвета и множество гирлянд; все обряды, что совершаются там, в каждом доме свои. Там все прославляют Его имя, рассказывают повествования о Нем и поют хвалебные песни в Его честь; когда они толкут рис, то читают нараспев стихи во славу Пандуранги. Там царит совершенное счастье, которое нерушимо; одним словом, там обитает Брахман. Тука говорит: Того, кого невозможно достичь с помощью тяжких усилий, ты видишь прямо перед собой, в видимом образе, стоящим на каменном возвышении.

(101)

Изначальный источник всех святых мест, плод всех обетов, сам Брахман воплотился в Пандхари; мы видели Его своими собственными глазами; наши глаза так долго были вынуждены поститься, но теперь, наконец, их заветное желание исполнилось. Жизнь всех жизней, спутник в счастье, Он стоит в полный рост, уперев руку в бедро. Отец

Вселенной, океан милости, Он сокрушает нечестивых и любит смиренных. Этот безграничный образ почитают боги и созерцают мудрецы. Тука говорит: я не нашел Его в Ведах; я нашел Его, когда пел песни о Нем.

(102)

Слава Пандхари такова, что если мы попытаемся найти нечто равное ему, то потерпим неудачу, ибо там Бог встречается нас сразу. Все прочие святые места проявляют свою благодать лишь через какое-то время. Тука говорит: это место блаженства, небеса на земле.

(103)

На берегу Бхимы есть город под названием Пандхарпура; у Папиля его четыре руки, и шестнадцать тысяч жен. Пойдемте же, танцую, причастимся божественной игре, что вершится в том городе; Он дарует нам радость и вдохновение. Наши предшественники, наделенные смелостью, описали для нас исполненную блаженства цель. Он могучий среди могучих, царь царей; эпоха зла не способна переступить границу Его владений. Папиль Пундалика основал обитель, он бежал от скорбей этого мира; там открыли свои лавочки святые и мудрецы, в них вы можете приобрести все, что вам угодно. Там вы можете за бесценок купить освобождение, но оно никому не нужно! Оба рынка заполнены огромными толпами народа; там не иссякает поток паломников; они говорят: «Нас не интересует Вайкунтха, ибо мы увидели Пандхари; я долго предвкушал это, теперь же, посредством великих усилий, я этого достиг». Тука говорит: о святые, именно благодаря вашим заслугам я обрел Его стопы.

(104)

Пойдемте же, увидим своими глазами праздник Картики; Вайкунтха низошла неподалеку от Пандхари. Вот плод наших сердечных молитв; небеса не могут вместить нашей любви, каждый дом в Пандхари переполнен ею. Они идут вперед твердым шагом, неся образы Гаруды; непоколебимые духом, они ударяют в караталы, вновь и вновь выводят слова песни и играют на барабанах. Там собирается множество счастливых людей; как сотрясаются их тела от неземной радости! Они смело идут вперед, обгоняя друг друга. Все вокруг затоплено нектаром Его имени; божественные переживания захлестывают все их чувства. Воинство вайшнавов подходит все ближе; силы времени и смерти в страхе трепещут. Когда Брахма и прочие /божества/ видят ликование, что царит на том покрытом галькой берегу, их переполняет неудержимая жажда подобного. «Благословенны, благословенны жители бренной земли, – кричат они, – как же они удачливы!» Чтобы получить освобождение после смерти, нужно идти в Бенарес; Гая позволяет лишь отдать долги нашим предкам; но в Пандхари, у стоп Витхалы, нет ничего невозможного. Тука говорит: о чем нам теперь тревожиться? Тот, кто в полной мере наделяет нас всеми дарами, никогда не разочарует нас.

(105)

Тот, кто приходит в Пандхари, забывает своих отца и мать; он становится Пандурангой, и никем иным; он непрерывно обнимает Его. Такому бхакте не нужны ни богатство, ни дом, он оставляет чувственную жизнь. Тука говорит: это святое место мгновенно уничтожает всякую нечистоту.

(106)

Если человек посетил миллион святых мест, но не видел Пандхари, проклято его рождение, ибо он не видел даже стоп /Господа/. Пусть он совершил бесчисленные жертвоприношения, выполнил бесчисленные практики йоги – он не видел даже стоп /Господа/. Тука говорит: смотри! В стопах Витхалы соединились все святые места.

(107)

Благословенна деревня Деху, свято на земле это место, ибо там обитает Пандуранга, наш Господь. Благословенны крестьяне, что живут там, счастливы они, призывающие Его имя. Там стоит, уперев руку в бедро, отец мироздания; слева от Него Ракхумадеви, наша мать; у дверей, со сложенными руками, стоит Гаруда. С северной стороны там растет дерево пиппала, с южной находится лингам Шанкары; прекрасен берег святой реки Индраяни. Там есть лес Лакими-Нараяна-Баллал, где живет Господь совершенства. Снаружи пребывает Бхайрава, который делает путь легким; рядом с Ним Хануман. Там я, Тука, проповедую и пою, удерживая стопы Витхобы в своем сердце.

(108)

Мы знаем из слов святых и Писаний, что Джанардана обитает в людях; как же мы не можем этого увидеть? Кто есть тот, кто проходит через рождение, старость и смерть, через страдания и болезни? Прегрешения и заслуги, чистое и нечистое поведение, – кто именно оказывается связанным со всем этим, и почему? Мы умираем и исчезаем, но для Тебя все не так; как нам осознать это на опыте? Тука говорит: раскрой же эту тайну и яви мне истину!

(109)

Из какого вещества создано «я»? Как трудно проникнуть в его природу! -- мы накрепко свыклись с этой мыслью, хотя «я» есть не что иное, как наша собственная сущность. Когда тьма берет верх над светом, земля у нас под ногами меняется. Тука говорит: если в вашу жизнь войдет Бог, Он откроет вам ваше подлинное естество.

(110)

О Бескачественный, позволь мне созерцать Тебя как обладающего качествами; внезапно у меня появилось чувство различия между нами. Отныне идея единства исчезла; и пусть так и будет; да займем мы соответствующее нам положение. В попытках приблизиться к Тебе, я лишь тратил попусту слова. Тука говорит: о Бесконечный, чувство недвойственности наполняет все мое существо, равно как и Твое.

(111)

Не спрашивай, различаются ли Хари и Хара; один пребывает в другом, как сладость в сахаре. Если кто-то желает разделить их, это не более чем «виланти», что обозначает различие. Тука говорит: правая и левая половины образуют единое тело.

(112)

Если вмешивается Бог, Он берет все действия на себя; я лишь молчаливый свидетель; если знать это, все беспокойства по поводу чистоты и нечистоты уйдут. Ребяческая идея о /раздельном существовании/ индивидуальной души и Высшего Духа была рождена для того, чтобы угодить людям с богатым воображением. Где тогда пребывают все миры? Они суть иллюзия, которая проходит. В действительности мир единосущен с Вишну; под воздействием этой основополагающей истины наши мысли

приходят в порядок. Многообразие сословий и вер – это Его игра; все соткано из единой ткани; как тогда можно делать различие между похожим и непохожим? Вот заключение, которое передал Нараяна в образе составителя Вед. Вот сущность великой милости, которую обрел Тука; он пребывает вблизи от Его стоп, а не вдалеке от них.

(113)

Ум служит тиглем, в котором сплаваются все наслаждения. Одно служит для того, чтобы усиливать другое, но каждое, в конце концов, возвращается к своей изначальной форме. Когда капля дождя падает в океан, как можно ее различить? Тука говорит: даже Бог не может распознать новые капли.

(114)

Зачем мне заботиться о том, хороши ли мои действия или плохи? Я раскрыл подлинный секрет. Ты подобен своему имени; Ты не открываешь себя полностью. Ты ничего не теряешь; Ты сохраняешь все, что у Тебя есть. Тука говорит: каковы же будут мои обязательства по отношению к Тебе?

(115)

Зная это, преданный Тебе не стремится накапливать заслуги; преданные достигли состояния, где все, внутри и вовне, есть Бог. Чистота, неведение, страсть и боль ни в коей мере не способны коснуться преданных почитателей Хари. Все существо их наполнено Богом, который и ест, и говорит, и действует в них. Тука говорит: невозможно разделить Бога и его почитателей.

(116)

Довольно; мне не нужно дополнительных доводов, чтобы утвердиться на этом пути. Множественность богов – всего лишь плод нашего воображения, все это неистинно; Бог -- один. Если рассмотреть предписания, связанные с поклонением, кто способен разделить их на хорошие и дурные? Кто знает, что́ должно делать, а что́ нет? Предоставим же их всецело самим себе и избавим себя от угрозы страданий. Тука говорит: пой же хвалу этому Богу; о душа моя, пой хвалу с радостью.

(117)

Что для меня любой бог, кроме Господа Пандхари? Когда река вливается в океан, она теряет все свои отличительные черты. Когда восходит солнце, все прочие светила исчезают из виду. Тука говорит: я не знаю никого, кроме Господа Пандхари.

(118)

Отныне я буду почитать всех живых существ. О Нараяна, я буду сознавать Твое присутствие каждый миг. Хотя я признаю авторитет Вед, я стану исключать те отрывки, которые учат двойственности. Тука говорит: тогда я не пожелаю иного общества.

(119)

Все, что я ни делаю, о Господь, я выполняю как служение Тебе. О Нараяна, о Высший Дух, между нами нет различия. Мы не знаем ничего, кроме Тебя; об этом свидетельствует самому себе наш собственный ум. Тука говорит: о Господь Вселенной, разве это не истина?

(120)

О Господь, я понимаю, почему Ты не отвечаешь. Ты стыдишься, что Тебя назовут «обладающим свойством говорить»; но я не стремлюсь заставить Тебя выбирать одно из двух. Почему я должен бояться назвать Тебя «бессловесным»? Возьми меня к себе, где надо мной не будут властны никакие пути, пусть это и будет Твоим ответом мне; если Ты не примешь меня, это собьет меня с толку. И помни: вот правило благочестия для того, кто преподносит дар, и того, кто получает его -- дар должен быть таким, чтобы его можно было принять; если один из двух не будет думать о другом, оба совершат грех. Поэтому я надеюсь и жажду услышать Твой голос; я упорно стремлюсь к этой цели, не отступая ни на шаг от своего намерения; я не уйду до тех пор, пока не получу ответ от Тебя; знай, это мое намерение твердо. Ты можешь сказать «да» или «нет», как Тебе будет угодно, говорит Тука.

(121)

Разве будут люди отворачивать носы от аромата сандалового дерева? Разве они отвергнут золото – может ли случиться такое? Сахар одинаково сладок для всех, молодых и старых. Тука говорит: если бы мой ум был чист, зачем было бы людям порицать меня?

(122)

Мир всецело есть Бог – это истина; но главное, что необходимо, – это хороший совет. Прежде всего, уничтожь свое «эго», тогда ты выдержишь это испытание. Если ты можешь уверенно говорить об этом предмете, ты обрел сокровище божественного знания. Тука говорит: когда ты видишь следствие растворенным в причине, ты достиг пятой ступени освобождения.

(123)

Благословенно время, проведенное в созерцании; среди всего благотворного – это самое благотворное. Слугам Хари нет нужды пересекать океан мирского бытия; они не знают, какова обитель материнской утробы. Океан милости, Пандуранга, одинаково затопляет пустыни и многолюдные места. Тука говорит: Бог и его почитатели неразрывно связаны друг с другом; они кажутся чем-то отдельным, но в действительности они -- одно.

(124)

Если Он есть истинная сущность Вед, почему же Ведаы говорят о Нем «не то, не то»? Ясно, что Ведаы отличны от Него. О Бесконечный, если Ты явил свое сокровенное естество, как можно говорить, что Ты не знаешь его? Если Ты получаешь радость от жертвоприношения, почему Ты не помогаешь довести его до совершенства? Если какой-то элемент жертвоприношения упускается, Ты гневаешься. Ты пребываешь внутри нас, смертных существ; тогда почему, о Хари, Ты учишь различию между нами и Тобой? Если посредством аскез и паломничеств можно увидеть Твой образ, откуда появляется гордыня, что удерживает нас вдали от Тебя? Тука умоляет Тебя простить его. Он стоит у Твоих дверей и рыдает.

(125)

Сладость пронизывает сахар, точно так же Бог пронизывает мое существо; теперь я буду поклоняться Ему настолько правильно, насколько это в моих силах; Бог одновременно внутри и вне живого существа. Зыбь неотлична от воды, на которой

появляется; золото, даже в виде украшений, все равно остается золотом. Тука говорит: так же и мы в Нем.

(126)

Религия была создана для того, чтобы распространить славу Господа; иначе откуда бы появилось чувство Того, которого мы прославляем? Испытание поклонением было задумано, чтобы явить Его славу. Тука говорит: почитающий Бога служит украшением человечества.

(127)

Если бы не было того, кто совершает поклонение, перед кем бы Бог появлялся в видимом образе и от кого принимал служение? Один делает другого прекрасным, как драгоценный камень кажется еще красивее, когда он помещен в золотую оправу. Кто, как не Бог, может освободить верующего от желаний? Тука говорит: они относятся друг к другу как мать и дитя.

(128)

Что знает цветок лотоса о собственном аромате? Им целиком и полностью наслаждается пчела. Точно так же Ты не знаешь своего собственного имени, но нам известно счастье любви, которое рождается, когда мы его воспеваем. Корова-мать ест траву, а теленок наслаждается сладким молоком; он наслаждается тем, что производит не он. Тука говорит: жемчужина пребывает в раковине, но та не видит ее и не способна насладиться ее красотой.

(129)

Будь проклято то знание, что устраняет различие между мной и Тобой; мне нравится получать от Тебя наставления и повиноваться исходящим от Тебя запретам. Я Твой слуга, Ты мой господин; пусть между нами сохранится эта разница высокого и низкого положения; пусть эта чудесная истина прочно утвердится, не ниспровергай ее. Вода не может почувствовать собственный вкус, равно как и дерево не может насладиться собственными плодами; почитатель должен быть отделен /от Объекта своего почитания/; блаженство возможно лишь когда есть различие. Алмаз выглядит прекрасным в оправе, золото – когда оно обретает форму украшения; если бы не было различия, как бы Ты мог противопоставлять одно явление другому? Если в знойный день мы находим прохладное место, это приносит нам великое наслаждение; когда мать бросает взгляд на свое дитя, ее грудь наполняется молоком – как радостно им бывает, когда они встречаются! Тука говорит: это великое достижение, и я сознаю, насколько это прекрасно; я раз и навсегда решил больше не стремиться к освобождению.

(130)

Вот почему я оставил свой дом и ушел в лес; дурной глаз разрушит мою любовь; я потеряю любовь к Нему. Я не стану обращать ни малейшего внимания на пресловутую философию единства. Тука говорит: учение, которое утверждает, что Бог и я – одно, ложно; я не позволю этому досаждать мне.

(131)

Веру какого рода мы предложим Тебе?; какое подношение будет достойно Тебя? Ты наполняешь собою все, и одновременно пребываешь за пределами всего; Ты присутствуешь в нашем теле, говорим ли мы, едим, пробуем что-либо на вкус или

обоняем. Как мы обуздаем свои чувства и отделим заслуги от прегрешений? Какие обряды и благочестивые деяния мы будем совершать? Есть ли в мироздании такой уголок, где не присутствовал бы Ты? Что я обрету, если закрою глаза? Какие мантры обворожения я стану произносить? Где мы отыщем место для нашей веры? Есть ли где точка, в которой не было бы Тебя? В какую сторону мы повернемся? Куда поставим свои стопы? Нам неизвестен такой уголок Вселенной, где бы Ты отсутствовал; как мне искать подобное место? Тука говорит: только Твое имя будет для нас поклонением, богослужением, джапой, благовониями, лампадой, фруктами, орехом бетеля, цветами и водой!

(132)

Твои стопы для меня все; да буду я уповать исключительно на Тебя. Я вижу Твои стопы повсюду; Витхала пронизывает все три мира. Споры о Твоей природе – лишь лабиринт, из которого нет выхода; избавь меня от участия в них. Тука говорит: ты присутствуешь даже в мельчайших частицах мироздания, и в то же время я вижу, что Ты больше, чем само пространство.

(133)

Речь не может описать это, но, в то же время, ради нашего удовлетворения, Ты должен произносить слова. Тело Бога подобно зеркалу, в котором каждый видит свое собственное отражение. Одна лишь вера приносит урожай в форме Бесконечного. Тука ошеломлен количеством урожая; он сидит и распределяет его.

(134)

В этом присутствует радость, которая всегда остается новой; о ней нужно говорить в обществе святых. Если мы запоминаем форму чего-либо, оно объединяется с нашим собственным бытием; оно не существует отдельно ни одно мгновение. Если ты собираешься поклоняться Ему, представляй Его как всю Вселенную; бесполезно ограничивать Его какой-то одной точкой. Тука говорит: вот как я воспринимаю Его; я смиренно склоняю голову к Его стопам.

(135)

Мы любим этот никчемный мир только пока неспособны увидеть Того, кто пронизывает его. Нараяна – отец мира, Нараяна пронизывает его; когда мы принимаем Его в качестве своего идеала, все прочее оказывается ложным. Когда восходит солнце, нам становятся не нужны светильники: их огни теряются при дневном свете. Тука говорит: груз прошлого удерживает нас в тисках мира; тайна спасения – в Нараяне – вот несомненная истина.

(136)

Хари внутри и вовне; Хари запер меня в моем сердце. Хари придавил камнем мои желания; Он ограбил меня, лишив мирского богатства. Хари отдал мне свою душу в обмен на мою; Он создал пропасть между мной и другими людьми. Тука говорит: Хари неотделим от нас, Он окружает нас со всех сторон.

(137)

Разве жених отвергнет новобрачную потому, что ею по два года обладали гандхарва и Агни? Корова поедает отбросы, однако она чиста; точно так же и любой поток воды, если в нем присутствуют воды Ганги. Дерево типпала вырастает из вороньего помета; если рассмотреть обстоятельства рождения Пандавов, то окажется, что они

появились на свет вследствие греха. Шакунтала, Сута, Карна, Шринга и Вьяса – их имена разрушают грех. Вспомните Ганику, Аджамилу, Кубджу, Видуру, вспомните также, кем были Пингала, Вальха, Вишвамित्रа, Васиштха, Нарада, – было ли их происхождение безупречным? Мужчины и женщины, чьи деяния закрывали перед ними врата освобождения, тем не менее, освободились силой своего покаяния и памятования о Хари. Тука говорит: Господь Хари не смотрит на происхождение человека; тот, кто принимает происхождение в расчет, отправляется в ад.

(138)

Изначальный образ находится за пределами ума и речи; поэтому, чтобы измерить Тебя, и была дана наука преданности. С помощью мерил преданности я измерю Бесконечность, ибо, поистине, нет другого способа сделать это. Тебя нельзя достичь ни посредством жертвоприношений, аскез и манипуляций с телом, ни с помощью созерцания. Тука говорит: о Кешава, прими наше служение, когда мы предлагаем его Тебе в духе простой веры.

(139)

Есть ли Ему пределы? Приблизились ли мы к Нему хоть ненамного посредством своих поисков, все новых и новых изучений Того, кто наполняет собою весь мир? Атомы и большие массы материи равным образом могут делиться до бесконечности; если шрути говорят, что Он «не то, не то», то они также исчерпали все свои возможности дать Ему определение. Для личинки жука, что обитает внутри фрукта, существуют небеса, соответствующие ее размерам, но сколько таких фруктов на одном дереве! Бесконечный показал Арджуне в своем теле вновь сотворенные вселенные и мир Кришны. Тука говорит: крепко цепляйся за одеяния святых; если ты попытаешься измерить Его, сколь долгая жизнь тебе понадобится?

(140)

Йогини созерцают отражение Твоего сияния, мы же воочию видим Твой изначальный образ. Господь стоит в полный рост, уперев руки в бедра, Его тело источает фиолетовое сияние. Он пронизывает собой весь мир, и все же обитает вдалеке от него; Он тайно пребывает внутри всего, всегда оставаясь неизменным. У Него нет ни формы, ни очертаний, ни имени; мы должны подходить к Нему в душе. Нет у Него ни предела, ни деления; к Нему неприменимы категории касты; у Него нет ни семьи, ни касты, ни головы, ни рук, ни ног. Радость веры просвещает невежественных через их собственное любовное стремление /к Богу/, говорит Тука.

(141)

Я не способен славить Тебя; шрути стоят пред Тобой неподвижно и безмолвно; четыре состояния речи затихли, беспомощные, – вот каков Твой образ, о Хари! Этот образ таков, что наши глаза не могут узреть его, ибо, глядя на него, /даже/ Брахма и прочие /божества/ впадают в заблуждение. Брахма и прочие /божества/ находятся в тисках кармы, поэтому они вынуждены скитаться от рождения к рождению. Тука говорит: Твои божественные свойства, Твои имена и образы неисчислимы, как же мы можем описать их?

(142)

Совершенные йогини сидят, укрывшись в тихих местах, погруженные в созерцание; Он нисходит к ним, чтобы защищать их; Он утоляет их голод и жажду; когда им жарко, Он дарит им прохладу; они научились пренебрегать телесными ощущениями. Чье

общество приносит им радость, кроме общества Хари? Какое мирское наслаждение волнует их души? Они ни на мгновение не прельстятся положением царей. Тука говорит: безмерной милостью Нараяны яд превращается в нектар.

(143)

О Господь Вселенной, вот маленький секрет твоей любви; я вспомнил эту историю и расскажу ее Тебе. Лань с двумя оленятами беспечно паслась в лесу, как вдруг появился охотник с двумя собаками. С одной стороны он расставил свои сети, с другой поставил собак, с третьей поджег траву, а с четвертой встал сам. Олени оказались окружены со всех сторон; они принялись поминать твое имя: «О Рама-Кришна, Бог богов, приди, не медли! Кто, кроме Тебя, спасет нас из этой беды, о Отец, Господь Вселенной?» Ты услышал их слова, и они тронули твое исполненное сострадания сердце; Ты послал дождь, который быстро потушил огонь. Ты спугнул зайца, и собаки погнались за ним; лань и оленята вырвались на свободу, радостно крича: «Говинда спас нас!» Вот как велико Твое милосердие! Твои почитатели преисполнены любви к Тебе; о Супруг Ракхумани, восхваляя Тебя, они сердечно радуются, говорит Тука.

(144)

Если говорить о Его доброте, то Он исполняет все желания; если о сладости, то как сладостно Его имя! Если о милости, посмотри, Он безупречно милосерден; если о смирении, то Его смирение таково, что Он никогда не беспокоит своих слуг. Щедрость Его настолько велика, что Он готов отдать даже свою Супругу; Он торжествует над временем и смертью. Что касается знания, то Он -- океан мудрости; но все эти качества открываются лишь тем, кто знает Его одного. Он стар, как время; невозможно проследить пути, которыми следуют его божественные игры. Среди пастухов Он был простым пастухом, среди слабых женщин – ловким плутом. Его можно назвать простаком, ибо Его можно покорить с помощью веры; можно назвать жадным, ибо Он любит подбирать остатки чужих трапез; можно назвать уродливым, ибо Он влюбился в Кубджу; можно назвать пугливым, ибо Он страшится греха. Что касается игр, то Он единственный, кто может в них играть; в танце Он единственный, кто подлинно владеет этим искусством. О Господь, Ты скрываешься в глубинах нашего духа, и все же, хотя мы схватываем Тебя, Ты остаешься вне нашей досягаемости. Если назвать Тебя лучшим, то, посмотри, Ты наилучший из всех; если худшим, то Ты наихудший. Тука говорит: я говорю истину; мой путь поклонения – подлинный.

(145)

Если Бог – твой друг, тогда весь мир дружествен тебе. Мы видим это на опыте, тем не менее, люди тревожатся без причины. Если Бог защищает человека, ему не сможет причинить вреда /даже/ огонь. Тука говорит: Хари защитил Прахладу!

(146)

Тот, кто несет усладу святым, есть смерть смерти, равно как сын богача тоже богат. Если ты станешь внимать Ему, то не услышишь ничего, кроме Единого; Он защищает тебя от изнурения страстными желаниями. Он хочет освободить тебя от любого греха, который ты только можешь на себя взять; не ищи никакого иного источника избавления. Тука говорит: тень древа желания – вот самое главное: есть ли такое сострадание, которого было бы не найти там?

(147)

Кришна – моя мать и мой отец, моя сестра и мой брат, моя тетья и мой дядя. Кришна мой учитель и лодка моего спасения. Он перевозит меня через реку мира. Кришна – мой собственный ум, моя семья, а также мой самый лучший друг. Тука говорит: святой Кришна – мое убежище; я решил никогда не разлучаться с Ним.

(148)

Послушайте, люди, я расскажу вам, как вы можете получить наивысшую пользу для себя! Вам нужно обратиться сердцами к Владыке Пандхари; если вы воспеваете имя Нараяны, какие пути могут быть властны над вами? С этого берега вы можете пересечь океан мирского бытия. Он приведет эпоху Кали к покорности; иллюзия мира рассеется. Мирское процветание и все йогические силы суть Его служанки-рабыни. Вот суть всех Писаний, тайный смысл Вед; если ты внимательно помотришь, то увидишь, что об этом же говорят и Пураны. Приблизиться к Нему позволено всем: брахманам, кшатриям, вайшьям, шудрам и людям, стоящим вне варн; детям, блудницам и всем прочим. Тука говорит: я бесчисленное множество раз убеждался в этом на собственном опыте; возможно, другие, если им выпадет такая удача, могут, посредством веры, испытать эту радость.

(149)

К чему или к кому мы будем обращаться с мольбами, о Наполняющий собою землю и всю Вселенную? Кто еще ведает, как исполнить сокровенные желания наших сердец? Что суть другие правители и цари? Кроме Тебя нет в трех мирах никого, кто дарует освобождение, кто спасает нас. Когда мы размышляем о Твоих имени и образе, грех и страсть в ужасе уносятся прочь, желания уничтожаются. «Хари» – Пураны по праву называют Тебя этим именем, ибо оно отнимает смерть и последующее рождение у тех, кто находятся в их оковах. Зачем мне зря расходовать слова? Для меня совершенно бесполезно прославлять кого-либо, кроме Тебя. О Разрушитель мира, /даже/ Великий Змей утомится, описывая твою славу. Пусть же мой дух, исполненный уверенности, покоится у Твоих стоп; что пользы просить о чем-либо другом? Видят люди, что Ты не зря носишь имя «Господь убогих»; Ты спас множество несчастных, множество преступников, множество грешников. Тука пребывает у Твоих стоп; о Господь, защити Его! Я молю о том, чтобы Ты позволил мне служить Тебе.

(150)

С какими трудностями можем мы столкнуться в житейском море, если Он указывает нам путь и идет впереди? Пандуранга – надежный корабль; Он не допустит, чтобы наши стопы или тела промокли. Множество святых уже пересекли этот океан и достигли противоположного берега. Тука говорит: сейчас нам выпала редкая возможность, идем же скорее за Ним!

(151)

Боевым диском и палицей в руках он постоянно защищает своих почитателей, что склонились у Его стоп, и сокрушает порочных. Непознаваемый принял образ, Несравненный явил нам себя. Тука говорит: Витхала исполняет желания каждого человека.

(152)

В прежние времена Ты спас множество существ, что обращались к Тебе с мольбой, поэтому они называют Тебя «Господом беспомощных». Ты не смотришь на степень греховности, на то, к какому народу или племени относится страдалец, и благородно

ли его происхождение; Ты спас Аджамилу и женщину из племени бхилов. Ты одарил маленького Дхруву неразрушимой обителью; Ты предложил Упаманье Молочный океан. Когда слон Гаджендра попал в беду, схваченный обитателем вод /крокодилом/, Ты освободил несчастного из океана мирского бытия. Ты спас Прахладу из огня и воды, силою своего имени превратив яд в нектар. Когда на долю Пандавов выпали тяжкие испытания, Ты был их величайшим заступником. Тука говорит: Ты был Господом всех этих беспомощных существ – я знаю об этом из преданий минувшего; я принимаю в Тебе прибежище.

(153)

О брат, Ганга – не просто вода, баньян и пиппала – не просто деревья, четки из туласи и рудракиши – не бусы: это проявления Бога. Океан – не обычный водоем; не называй лингам «камнем». Святые – не то, что мирские люди; не называй посох аскета «палкой», а освященную пищу – «пищицей»; не называй воспевание «Рама-Рама» обычной речью. Солнце и Луна – не обычные светила, Меру – не /просто/ гора. Змей Шивы и Васуки – не то, что ядовитые гады. Гаруда – не птица. Бык Шивы – не простое животное. Древо желаний – не просто дерево, равно как Камадхену – не просто корова. Черепаха, на которой покоится мир, значительнее, чем черепаха, что обитает в пруду. Вараха – не кабан. Брахма выше, чем человек. Лакшми – не просто женщина. Священная раковина для окропления – не кость; шелковое облачение Богини – не кусок материи. Волшебный камень парикша – не камень: это проявление Богини. Золото – не обычный металл, точно так же как соль – не разновидность песка; подстилки из оленьей или тигровой шкуры, на которых сидят аскеты – не /просто/ шкуры. Жемчуг – не кремень, равно как алмазы – не галька; душа – не приживалка, которую ты можешь выгнать, когда пожелаешь. Дварака – не просто городок, точно так же как образ Кришны – не просто статуя. Гомати – не просто место паломничества; один их вид приносит освобождение; Кришна – не обычный искатель наслаждений, равно как Шива – не просто аскет. Тука говорит: в одном Пандуранге я обрел благо, которое способно даровать все перечисленное выше.

(154)

Мерзкие и крепколобые демоны трепещут, ибо берег Бхимы в городе Пандхари полон ликующего народа. Возглашай теперь громогласно сразу тысячу имен /Богини!/ Витхай входит в тела своих почитателей и изгоняет всех демонов, которые могли обосноваться там. Ситу пленил демон, и она возвратилась к жизни в ашоковом лесу; тем не менее, Мать пришла к Ней в образе демоницы с растрепанными волосами. Махишасура довел Прахладу до безумия, но внезапно там появилась, скрежеща зубами, Витхай. Когда были уничтожены семь детей Васудевы, Она в должное время пришла Васудеве на помощь. Когда многострадальные Пандавы были вынуждены скитаться по лесам, как безумные, Она поддерживала и защищала их. Где бы люди ни сосредотачивали свой ум на Ее имени, туда же немедленно устремляется Она сама; там, где Она замечает веру, Она принимает каждого, каким бы низким ни было его положение среди людей. О древняя Богиня нашего рода, о Мать, – говорит Тука, – зачем нам теперь бояться злых духов или слуг Ямы?

(155)

Имя Витхалы таково, что оно излечивает болезнь мирского бытия, избавляет от всего груза прошлой кармы. Если ты произносишь его, то устраняешь этим последующие рожденья. Грех не способен вытерпеть его присутствия, тройственное страдание

рассеивается. Тука говорит: иллюзия жизни становится Твоей служанкой и простирается к Твоим стопам.

(156)

Имя Витхобы всегда истинно, исполнено блага и желанно, оно разрывает все узы, слава его возглашается в обоих мирах. Тот, в чье достояние входит вера, очень быстро обретает благо посредством нее; при всей своей простоте, – говорит Тука, – он /Тука/ знает, как победить время и смерть.

(157)

Не сомневайся, это брэнное тело разрушится – почему же тогда ты не воспеваешь Его имя? Его имя спасло неисчислимые миллионы /живых существ/; благодаря ему они достигли Вайкунтхи. В трех мирах нет ничего, что сравнилось бы по своей благодатности с Его именем – почему ты не возглашаешь его? Тука говорит: Его имя прекраснее Вед; Гопала дарит нам его безвозмездно.

(158)

Сами наставники не знают тайны Вед, – какой же просвещенности ждать от всех прочих? Воспевать имя Витхобы не трудно; оно мгновенно переносит тебя через океан мирского бытия. Мудрый хорошо знает, что мантры обворожения, равно как обрядовые действия и церемонии, предписанные для различных времен года, не следует практиковать; все остальные – глупцы. Тука говорит: мы больше не замечаем предписаний и запретов; этот путь упраздняется.

(159)

Отбросив все сомнения, считай того, кто правильно воспевает имена Рамы-Кришны и удерживает в памяти Его цветом подобный грозовому облаку образ, брахманом, каково бы ни было его рождение. Украшениями ему служат покой, любовь и сострадание, его терпению нет предела. Тука говорит: все шесть врагов больше не властны над ним; он есть сам Брахман.

(160)

Знай, что блаженство, которое приносит Его имя, – это сам Бог. Эти слова – не плод моего невежества, ибо их подтверждает опыт святых. «Тому, кто воспевает имя, нужны и другие способы достижения», – не говори так. Тука говорит: тот человек достигает счастья через свое слово, у кого и отец и мать чисты.

(161)

Это моя единственная опора; я избрал своим занятием возглашать «Витхоба!». Я собрался с силами и бросил вызов: я не позволю времени и смерти потревожить меня. Возглашай как можно громче, прерывающимся от чувств голосом, «Хари! Хари!» Тука говорит: мы раскрыли истинную суть всех Пуран.

(162)

Те, кто живут в мире, не могут по-настоящему служить учителю, они не могут отбросить страсть, ибо трепещут в страхе перед вождением. Но не таково Твое имя, о Господь Пандхари! Чтобы воспевать его, никому не нужно предпринимать никаких тяжких усилий; это совершенная сладость, и чтобы вкушать ее, нам не надо омыwać лицо. Мы не станем жаждать богатства, нам не нужно бояться мира. Одной жизни недостаточно, чтобы исполниться уготованное нам, а благие дела

умножают свои последствия; только имя Витхобы избавляет от печалей мира. Ты можешь оставить действие и бездействие, равно как тщательное изучение священных Писаний. Тука говорит: имя Витхалы включает в себе все.

(163)

Заставь свою речь смолкнуть, удерживай ее вдалеке от всех объектов чувств. Каждое усилие, что не направлено на /воспевание/ Его имени, приносит лишь усталость. Наши замыслы на будущее увлекают за собой ум; здесь нет разницы между заслугой и грехом. Тука говорит: да найдет мой дух место своего успокоения в Нараяне.

(164)

Пураны повествуют о Нем в форме песен; где бы ни пелась Ему хвала, там присутствует и Он сам, готовый служить своим бхактам. Мантра Его имени господствовала в устах Даттапрейи; он вновь и вновь употреблял свою речь лишь на то, чтобы славить Господа, и это даровало ему просветление. Это имя – сущность высшей энергии; среди обрядов, что совершают брахманы, оно стоит на первом месте. Нарада странствовал по трем мирам с виной в руках и Его именем на устах. Парикшиту было суждено умереть в течение трех дней, но, благодаря воспеванию имени, он избежал этого. Слава рыбака распространилась повсюду; он составил историю жизни Рамы еще до того, как Рама появился на свет. Веды называют Тебя воплощенным и невоплощенным. Тука говорит: Твое имя одно и то же в обоих аспектах.

(165)

Бог служит своим слугам, Он не может стерпеть, чтобы они были хотя бы в малейшей нужде, Он отбрасывает угощения, приготовленные для Него, и устремляется им на помощь. Вот каков Океан милости, что стоит на каменном возвышении; совершенный в щедрости, он являет себя в обмен на преданность. На Его груди виден священный отпечаток стопы, украшение, которое оставили там Его почитатели. Он не испытывает от этого никакого неудобства; Он радостно терпит, что Его попирают ногой. Сатьябхама отдает Его в дар; Он не старается это скрыть. Он кладет стопы своего слуги себе на голову и выполняет свою задачу. Он сторожит врата Бали; Он управляет колесницей Арджуны. Он служит своим слугам как истинный их подчиненный. Из должного почтения Он не будет тревожить Пундалику, Он скромно стоит позади него. Тука говорит: почему ты не поклоняешься столь милосердной Матери?

(166)

Если ребенок назовет своего отца «дядей», разве стоит его за это укорять? Если наша вера чиста, то, как бы несовершенна она ни была, Витхала исполнит наши заветные желания. Если назвать сахар «камнем», разве от этого он перестанет быть сладким? Тука говорит: слова могут быть неправильными, но ни одно слово не окажется напрасным.

(167)

Кто сравнится с Тобой в великодушии? Ты даруешь своему слуге счастье находиться подле Тебя. Ты не смотришь, чист он или нечист, или каково его происхождение; Ты очищаешь его своим пребыванием в его теле. В его доме Ты будешь есть даже горькую пищу, но Ты не примешь изысканных яств от нечестивых. Ты не покинешь дома своих слуг, даже если Тебя станут там бить, – и это притом, что Ты не будешь посещать

умы йогоинов. Тука говорит: эпитеты, которые Ты носишь, даны Тебе по праву – так говорят четыре Веды.

(168)

Как Он милосерден! В беспомощных Он находит свою высшую отраду. Он взваливает себе на плечи груз забот о них; Он берется за труд обеспечить их всем необходимым и не дать этому исчезнуть. Он заботится о том, чтобы они не уклонились с пути, Он берет их за руку и ведет. Тука говорит: такова бывает награда, если ты с абсолютной преданностью следуешь за Ним.

(169)

Бог нежно любит человека, который оставил мир, Он вихрем устремляется за ним и берет на себя его радости и печали. Благодать Витхалы делает за него все, ему нужно лишь воспевать имя. Тука говорит: любящее сердце Витхалы нежно и свободно от хитрости.

(170)

Почему ты оставил такого вожатого? И почему ты выглядишь таким несчастным? Твое сердце исполнено страстей; у тебя в руке нет ничего, кроме пыли. Пандуранга – царственный и великодушный господин; Ему не нужно ничего, кроме листика туласи и воды; Он жаждет сосредоточенной преданности; тебе не надо спрашивать, какую должность Он дарует тебе, равно как отправлять к Нему просителя ходатайствовать о твоём деле. Он сам руководит служением себе и выносит взыскания в том, что касается служения. Тука говорит: ты не столкнешься с препятствиями, если пойдешь на встречу с Ним; отправляйся же без лишних слов и обними Его стопы.

(171)

О Рама, повелитель Айодхьи, Господь обездоленных, истреби грех и страсти, что встали на моем пути, сделай меня счастливым! Ты принял фрукты, которые попробовала женищина из племени бхилов; Ты сам осквернен. Тука говорит: Я твое возлюбленное дитя, но мне не по силам постичь твое естество.

(172)

Хотя наш Господь столь велик, вера может заставить Его найти пристанище в шкатулке. Он принимает образ, который придают Ему почитатели; Он осуществляет свои желания, как только они у Него возникают. Хотя Тот, кто дает нам мир, столь велик, Он просит у нас листик туласи и воды. Он принимает имя и образ; Он делает себя легкодостижимым, говорит Тука.

(173)

Вот Господь Пандхари, понуждаемый нашей верой, стоит, готовый /придти нам на помощь/, и ждет нас. Примем же Его в наши сердца, – Его, чьи пределы невозможно установить. Мы забыли о своих телах и заманили Его в нашу ловушку, воспевая Его имя. Когда Он намеревается спасти своих святых, то не разбирает племени, происхождения и репутации. Как хорошо, что мы открыли эту тайну; нам больше не надо блуждать в поисках ее разгадки. Он бессмертный, всегда жаждущий помочь своим преданным почитателям, великодушный господин; четырехрукий Бог почитает своих святых. По собственному изволению Он становится то огромным, то

маленьким; Его образ прекрасен и очарователен; Он исполнен любви к благочестивым, Он являет святым свое почтение, всемерно помогая им -- мы раскрыли эту тайну, поэтому теперь наше главное дело – молить о милости святых. Тука говорит: я накрепко свяжу себя с Господом Пандхари в духе безраздельной преданности.

(174)

Древо желаний не пренебрегает теми, кто обращается к нему; но Ты лучше всех древ желаний, ибо Ты не требуешь никаких просьб. Внемли! Если Ты даешь кому-то дар, он пробуждает в нем чувство гордыни; поэтому Тука, жалобно стеля из-за этого, умоляет: не одаряй меня никаким даром, кроме себя самого!

Примечания

(1)

Супруг Лакими – Господь Вишну (Хари). Лакими – богиня удачи и процветания. Тукарам принадлежал к вайшнавам, то есть тем, кто практикуют поклонение Вишну. Нараяна – одно из имен Вишну.

Зависеть от своих личных заслуг – заслуги дают благоприятный плод кармы, а грехи ведут к негативным последствиям. До тех пор, пока человек не станет истинным бхактой, он будет пожинать хорошие и плохие плоды своих действий. Истинный преданный, как и истинный йог, выходит за пределы деятельности, приносящей плоды, то есть выходит за пределы кармы.

(2)

Сокровище – по видимости, имеется в виду совершенное знание о собственной сущности.

(3)

Восемь йогических совершенств – способность принимать форму меньше мельчайшего, способность становиться огромным, а также легче пылинки, необычайно тяжелым, получать что угодно по своему желанию, непоколебимая воля, превосходство над другими, способность удерживать других под своим контролем.

(4)

Девять видов преданного служения – слушать о Боге, передавать услышанное, помнить о Боге, служить ему, поклоняться, возносить молитвы, исполнять волю Бога, поддерживать дружеские отношения с Богом, отдавать Богу все.

(5)

Пандуранг(а), также называемый Витхала и Витхоба (Кришна) – древнее божество храма в Пандхарпуре. Ему посвящено большинство абхангов Тукарама. Для традиции варкари, к которой принадлежал Тукарам, паломничество в Пандхарпур являлось особенно значимым. И храм, и паломники-варкари существуют в Махараштре и поныне.

(6)

Это не моя страна – душа, обладая высшей природой, не должна отождествляться с подобными категориями и связываться с низшей природой, обладающей материальными атрибутами.

Восемь миллионов деревьев – согласно индийской концепции, существует восемь миллионов четыреста тысяч видов живых существ. Меняя тела в различных формах жизни, душа «путешествует» в круговороте рождений и смертей.

(10)

На норовистого коня – конь или запряженная повозка часто служат аллегорией для души, воплощенной в теле.

О святой... найти тебя трудно... -- здесь говорится о святых, которые, согласно движению *вайшнавов-бхактов*, являются как бы хранителями сокровенного знания. Встретить такого святого и получить посвящение от него является большой удачей, следствием благих заслуг; благодаря его милости, становится возможным встать на путь *бхакти*.

(14)

Кешава – одно из имен Кришны (Вишну).

(16)

Упершись рукой в бедро – Пандуранг стоит, уперев руки в бедра.

(18)

Сам взял веревку – веревка желаний связывает человека, лишая его природной свободы.

(25)

Традиционное сравнение желаний и страстей с животными, необузданными или находящимися под контролем хозяина, обретает у Тукарама форму аллегории со стадом коров. В жизни Тукарама был эпизод, когда он работал погонщиком стада.

(26)

Веталы – разряд существ, как правило, сходных со злыми духами, привидениями и т.п., при помощи которых можно развить магические способности.

Пураны – раздел священных писаний.

Не стою между горящих огней – стояние между четырех костров под солнцем (пятый огонь) является видом практики *йоги*.

(27)

Говинда – имя Кришны.

(30)-(32)

Эти *абханги* выражают сущность философии *адвайты*: вечная духовная сущность (*атман*), душа человека, одновременно является источником материальной деятельности и многообразия форм, и в то же время остается вечно отличной от каких-либо форм и определений, и находится вне какой бы то ни было деятельности. Осознание этого позволяет совершать действия и быть вне действий, иными словами – не затрагиваться любым видом активности и сохранять чистое состояние, исконную природу.

(36)

Согласно многим школам вайшнавизма имя Хари (Вишну, или Нараяны) не отлично от Него самого. Это объясняет особое почтение по отношению к практике воспевания имени Хари или его ипостаси.

(41)

Кайласа – священная гора. *Три гуны* – три качества природы, а также три состояния, сопутствующие любому виду деятельности живого существа (страстность, пассивность и благодать).

Недвойственная вера – осознание тождества внутреннего «я» (*Атмана*) и Высшего Духа, Абсолюта (Высшего *Брахмана*); это главная цель философии *адвайта-веданты*.

(46)

Вайкунтха – мир Вишну. *Риши* – мудрецы, пророки, святые.

Вкушать остатки трапез святых – благоприятное действие, способствующее развитию духовных качеств у принимающего пищу, а также форма выражения почтения.

Древние формы – имеются в виду традиционные формы философской и религиозной логики, диспуты, следование доскональным предписаниям и т.д., то есть атрибуты деятельности кастовых брахманов-пандитов.

(47)

Брахман – здесь Высший Дух, Абсолют, Бог. *Три мира* – низший, промежуточный (к которому относится наш) и небесный.

(51)

Канхоба – от *Канха* (букв. «малыш, дитя»), одно из имен Кришны.

(54)

На берегу Бхимы – имеется в виду храм Витхобы в Пандхарпуре.

(55)

Нанес метку – то есть священный знак на лбу, *тилаку*.

(56)

Некоторые из *абхангов* Тукарама, в частности этот, посвящены Деве (Шакти), Великой Богине-Матери. Она является действующей *Пракрити* (Природой), динамическим аспектом Высшего в женской форме, в отличие от статичного *Пуруши*, мужского аспекта, с которым они составляют вечную пару и нераздельны по своей сути. Ипостась Девы – Супруга Витхобы, Ракхумаи (Рукмини).

(57)

В этом *абханге* упоминаются различные истории Пуран.

Гопал(а) – одно из имен Кришны.

Пундалик (Пундарик) – легендарный основатель храма Витхала. Его историю, а также историю возникновения образа Витхобы и его храма можно найти в «Падма Пуране», в разделе «Пандуранга-Махатмья». Не приводя здесь всю историю, отметим, что Кришна однажды решил навестить праведного Пундалика в его обители. В качестве дара, предложенного Кришной Пундалику, тот выбрал вечное пребывание Кришны в этом месте в образе Пандуранга. Этот самый образ, который описывает Тукарам в своих *абхангах*, можно видеть в храме Пандхарпура и сегодня.

(63)

Девять видов масла – намек на девять видов преданного служения, которые готов «вкусать» Кришна.

(66)

Некоторые *абханги* носят автобиографический характер.

Экадаши – одиннадцатый лунный день, который считается особенно значимым для духовной практики вайшнавов.

Запретили писать... рукописи выбросили в реку... -- тот факт, что, будучи *шудрой*, Тукарам занимался проповеднической деятельностью, вызвал сильное недовольство кастовых брахманов, наложивших наказание на Тукарама. Согласно преданию, рукописи, опущенные в воду реки, вынесла обратно сама богиня Сарасвати.

Наставление учителя во сне – Тукарам получил посвящение во сне от святого Намдева (Намадевы), который, в свою очередь, был учеником святого Гьянешвары (Джнянадевы).

(68)

Крор – десять миллионов.

(69)-(73)

Некоторые из *абхангов* описывают эпизоды из жизни Тукарама и носят, отчасти, бытовой характер. Жена Тукарама была известна своей сварливостью и не одобряла духовных занятий мужа, которые, по ее мнению, наносили ущерб домашнему благосостоянию. В первой части *абхангов* приводятся слова жены.

(71)

Бхакта – преданный, почитатель Бога; тот, кто испытывает *бхакти* (божественную любовь).

(74)

Моя жена умерла – имеется в виду первая жена Тукарама.

(78)

Патиль – глава деревни, наподобие сельского старосты.

(79)

Холика – сестра демона Хираньякашипу, сгоревшая в огне, а также сжигаемый атрибут праздника Холи.

(81)

Ракхумаи – супруга Витхалы (Рукмини).

Основанием для этого *абханга* послужил эпизод в жизни Тукарама, когда его пыталась соблазнить проститутка, подосланная кастовыми *брахманами*.

(82)-(83)

Речь идет об имевшем место нападении враждебного войска мусульман на храм, в котором находились Тукарам и другие *бхакты*.

(85)

Туласи – священное дерево (разновидность базилика), используемое при поклонении Вишну.

(87)

Гаруда – божественный орел, *вахана* (средство передвижения) Вишну.

Уддхава и *Акрура* – друзья Кришны; Акрура также являлся родственником Кришны.

(89)

Бали – царь, низвергнутый в ад *аватарой* Вишну в образе Ваманы.

Лакшми – богиня процветания и удачи, вечная супруга Вишну.

(90)

Шастры – священные писания.

(92)

В доме пастухов – имеется в виду воплощение Кришны.

(93)

Гопи – пастушки, спутницы детских игр Кришны.

(95)

Карлик – *Аватара* Вишну в образе Ваманы.

Обладатель благих качеств, лишенный качеств – В своем аспекте *Сагуна-Брахмана* Абсолют описывается как наделенный качествами, в аспекте же *Ниргуна-Брахмана* он определяется как лишенный каких бы то ни было качеств, находящийся за пределами любых свойств. В образе

Маданы подчеркивается способность как зачаровывать *майей* (иллюзией), так и избавлять от нее.

(96)

Непостижимый для Вед и шастр – Абсолют находится за пределами даже священных писаний, которые, тем не менее, рассматриваются как авторитетные свидетельства о Нем.

Проявленный образ – т.е. наделенный качествами и доступный для описания и восприятия. Последователи практики *бхакти* уделяют особое внимание именно наделенному атрибутами образу Высшего, поскольку этот аспект обладает исключительной привлекательностью и пробуждает преданность.

Творец Брахмы – Господь Брахма является творцом этого мира; подчеркивается, что сам Брахма был создан Господом Вишну, Абсолютом.

(103)

У Патиля – то есть, у Правителя.

Шестнадцать тысяч жен – эти жены являются энергиями Кришны; в качестве принцесс они были освобождены им из заточения.

Но оно никому не нужно – то есть даже такая высокая цель как освобождение как бы растворяется в блаженстве ощущения присутствия Пандуранги и радости находиться в Пандхари.

(104)

Караталы – цимбалы.

(105)

Оставляет чувственную жизнь – чувства восприятия ограничены их объектами и качествами; выходя за их пределы, такой человек обретает знание путем откровения (или интуиции), и ему становится не нужен опыт чувств. Он может полностью контролировать чувства, а также его не привлекают те удовольствия, которые способны доставить сами чувства.

(107)

Шанкара, Бхайрава – эпитеты и формы Шивы.

(108)

Джанардана – Вишну.

(110)

Двойственность и недвойственность, единство и отличие -- в частности, личного «я» и Абсолюта, является постоянным объектом исследования и вопросом диспутов различных философских и религиозных школ Индии, как в древности, так и в современности. Одни стихи Тукарама выражают позицию полной тождественности индивидуального «я» и Брахмана, другие (как, например, (127) и (129)) говорят о сохранении различия. Существуют школы, говорящие об одновременном единстве и отличии личной души и Бога. В *абхангах* Тукарама проявлены различные аспекты осознания *Атмана* и его положения по отношению к Богу.

(111)

Хари и Хара – Вишну и Шива. Образ Харихары, божества, объединяющего в себе качества Вишну и Шивы, состоит из двух половин, принадлежащих, соответственно, Вишну и Шиве.

(123)

Пересекать океан мирского бытия – обычно под этими словами имеется в виду освобождение, выход из круговорота рождений и смертей. Освобождение ставится конечной целью для человека рядом духовных школ и практик, однако в традиции *бхакти* и, в частности, в различных стихах Тукарама подчеркивается, что для настоящего преданного эта цель не так

привлекательна, как для сторонников системы *йоги*: главный акцент ставится на возможности ощущать непрерывный союз с Высшим – находясь ли пределах перерождений или выйдя за них. Такие личности сами способны определять свою судьбу и рождаться по своему желанию.

(124)

Не то, не то – метод определения Высшего Брахмана через последовательное отрицание его тождественности с чем-либо. Также эта последовательность выражает способ медитации, когда практикующий сначала созерцает Высшее как лишенное тех или иных свойств, а затем постигает его как обладающее абсолютными качествами (такими, как *сам-чит-ананда* – вечностью-знанием-блаженством).

(131)

Джана – повторение, как правило, многократное (обычно на четках) *мантры* или имени Бога.

(137)

По два года обладали – незамужние девушки до своего брака находятся под покровительством *гандхарва* Вишавасу (обитателя небес) и бога Агни.

В этом *абханге* упоминаются прославленные святые и герои Пуран.

(141)

Четыре состояния речи – «Мудрейшим из брахманов ведомо, что речь образована четырьмя четвертями, из которых три неподвижны и скрыты, люди же объясняются лишь четвертой частью» («Риг Веда»).

(142)

Яд превращается в нектар – для мирского человека положение *йога*, претерпевающего различные лишения, кажется весьма жалким, однако для *йога* оно блаженно. Цель у *йогов* и *бхакт* одна.

(144)

Готов отдать даже свою Супругу – имеется в виду, что супруга Вишну, богиня процветания Шри, всегда готова служить истинным почитателям Вишну.

(145)

Прахлада – великий *бхакта* Вишну, спасенный им в образе Нрисимхи.

(146)

Древа желаний – божественные деревья, способные исполнять желания, они являются атрибутами небесных миров.

(148)

Эпоха Кали – *Кали-юга* – железный век, нынешнее время.

(149)

Хари – имя *Хари* традиционно переводится как «отнимающий», «лишающий».

Великий Змей – Ананта Шеша (Наг) – тысячеглавый змей, спутник и форма Вишну. Господь Вишну часто описывается возлежащим на этом Змее; на головах Змея покоятся вселенные.

(155)

Тройственное страдание – то есть страдания, которые человек испытывает от собственного тела (например, болезни), страдания, вызванные природными явлениями (например, дождь или зной), и страдания, которые человек испытывает из-за других людей.

(159)

В тексте говорится о том, что *брахманом* должен считаться не человек, принадлежащий к этой касте по рождению, а занятый правильной духовной практикой. Тот, кто следует верному духовному пути, становится единым с *Брахманом* (Абсолютом).

Шесть врагов – страсть, гнев, жадность, гордость, безумство (опьянение) и высокомерие.

(163)

Нет разницы между заслугой и грехом – согласно философии *санкхьи*, с точки зрения продолжения деятельности, приносящей свои плоды (как положительные, так и отрицательные) не имеет значения, совершается ли действие хорошее или плохое – и то, и другое будет иметь результат и последствия.

(164)

Вина – струнный музыкальный инструмент.

Даттатрейя и *Нарада* – легендарные святые мудрецы. *Парикшипт* – внук Арджуны (героя «Махабхараты») и наследник царства.

Составил историю жизни Рамы -- Автор «Рамаяны» -- мудрец Вальмики.

(165)

Сатьябхама – супруга Кришны.

(171)

Упоминается эпизод из «Рамаяны», когда женщина, перед тем, как предложить фрукты Раме, попробовала их сама, чтобы убедиться в их сладости. Такая пища считается оскверненной, однако Рама с удовольствием принял ее, ответив на преданность женщины.